Г. А. ЯВЛИНСКИЙ

НЕПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ

О некоторых причинах распада СССР

Москва
«Медиум»
2022

УДК 32-027.21
ББК 66.0
Я20

Явлинский Г. А.

Я20 НЕПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ. О некоторых причинах распада СССР / Предисловие А. В. Космынина. – М.: «Медиум», 2022. – 96 с.

ISBN 978-5-85691-093-2

В книге собраны статьи и интервью политика и экономиста Григория Явлинского о некоторых важных политических событиях, предопределивших распад СССР. Автор говорит и пишет о реальных возможностях модернизации СССР в конце 1980-х и начале 1990-х годов, которые можно было реализовать, но их упустили — из-за критического непонимания смысла времени и истории, грубых ошибок и просчетов, отсутствия видения общей картины происходящего и перспективы, а также и сознательно, потому что у тех, кто принимал решения, совсем по-другому были расставлены приоритеты. Сказанное не теряет актуальности и спустя 30 лет после распада СССР, поскольку перед нашей страной стоят те же задачи — построить современное государство, опирающееся на общество, создать европейскую Россию.

Составитель: И. А. Яковлев

Фото на обложке: Юрий Иванов/РИА Новости

ISBN 978-5-85691-093-2

© Явлинский Г. А., 2022

© Космынин А.В., предисловие, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Интервью для фильма
«30 лет ГКЧП: хождение по кругу» 7

Выступление Григория Явлинского
на Международной научной конференции
«30 лет без СССР: итоги и уроки» 31

Григорий Явлинский о Беловежских соглашениях 39

«История ничему не учит, но сурово наказывает» 61

«Беловежская пуща — это выпадение из времени» 71

Интервью итальянскому журналу il Mulino 85

Предисловие

В этой книге, которая выходит в год столетия образования СССР, собраны статьи и интервью Григория Явлинского о другом историческом событии XX века — распаде Советского Союза и важных политических процессах, которые его предопределили. Однако это совсем не отвлеченное теоретизирование на историософские темы, а продолжение той политической работы, которую ведет автор в сегодняшней России.

Три десятка лет прошло со времени крушения Берлинской стены и распада СССР. Взгляд с этого расстояния позволяет рассматривать долговременные процессы и тенденции, по-новому видеть связь между событиями.

Во-первых, в сегодняшней ситуации необходимо помнить о том, что действительно происходило конце 80-х — начале 90-х.

Истинные причины и механизмы распада СССР нам надо знать не только ради исторической справедливости, но прежде всего, чтобы работать и действовать сейчас.

Например, тогда тоже были выборы, на которых с точки зрения формальной логики не на что было рассчитывать. Но люди, стремившиеся к переменам, превратили их в один из поворотных моментов судьбы страны — вопреки всему. А потом на съезде народных депутатов было агрессивно-послушное большинство и Сахаров — один перед залом, который его захлопывал. И он был сильнее. И он победил.

А теперь выросли поколения, которые ошибочно считают, что тогда все решалось не выбором людей, а «расколом элит», интригами и технологиями.

«Ничто так не угрожает свободе личности и смыслу жизни, как война, нищета, террор», — писал Сахаров. В этом суть происходящего сейчас — уничтожается смысл жизни — в понимании Сахарова и в нашем понимании. Идея партии «Яблоко», со дня ее основания, — смысл жизни в понимании Сахарова, человеческое в политике, в том, что успешные реформы — это преобразования в интересах людей: «реформы для большинства».

Явлинский говорит и пишет о реальных возможностях модернизации СССР в конце 80-х и начале 90-х, которые можно было реализовать. В конце 1980-х стала очевидной необходимость обновления Союзного договора, но это не было сделано. Реально существовавшие возможности не были использованы из-за критического непонимания смысла времени и Истории, грубых ошибок и просчетов, отсутствия видения общей картины происходящего и перспективы, а также и сознательно, потому что у тех, кто принимал решения, совсем по-другому были расставлены приоритеты.

Во-вторых, квалифицированный взгляд с тридцатилетней дистанции, взгляд человека, который не просто видел, а пропускал события тех лет буквально через себя, позволяет понимать, что явления, казавшиеся тогда частным случаем, местной практикой уходящей Советской России или Восточной Европы, на самом деле были началом процессов, с которыми теперь столкнулся весь мир, и прежде всего ядро европейской цивилизации. Политическая энтропия, утрата ценностей и ориентиров, раскол и распад — все происходящее сейчас невозможно понять и преодолеть без обращения к событиям новейшей истории нашей страны, Европы, мира. Все события оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми, история не заканчивается, а продолжается.

Наконец, и это может быть самое главное, накопленный опыт позволяет говорить о понимании времени, необходимом для политической работы и политического лидерства.

Историческое время, его веяния, требования и закономерности критически важно понимать для того, чтобы добиваться не просто сиюминутного успеха, а успешного продвижения в будущее в масштабах России и мира.

Постсоветская эпоха завершилась. Модернизация страны, очевидно, не получилась. Люди многим пожертвовали, а модернизация не состоялась.

Статьи и интервью Григория Явлинского о том, что в конце 80-х — начале 90-х были реальные возможности создать обновленную, современную политическую и экономическую систему СССР, проводить другую политику, но они были упущены.

Однако страна, люди и задачи, стоящие пред нами, остаются. Построить современное государство, опирающееся на общество, создать европейскую Россию — это про сегодняшний день, про наше настоящее и будущее.

Собственно, об этом эти статьи и интервью.

Андрей Космынин

Интервью для фильма «30 лет ГКЧП: хождение по кругу»

9 августа 2021 г., телеканал РБК

Екатерина Столярова — Григорий Алексеевич, давайте разберемся в сути. Потому что мы общаемся сейчас с разными людьми. И я понимаю, что даже спустя 30 лет у всех очень разное восприятие тех событий. Ну, видимо, через призму своего субъективного все по-разному воспринимают, что вообще это было. Вот для вас что это было?

Григорий Явлинский — Для меня это было событие, которое прежде всего говорило о том, как могут выглядеть поступки, которые полностью выпадают из времени. Первая и самая такая, я бы сказал, внятная мысль моя о том, когда я об этом услышал — что люди делают что-то совершенно перпендикулярное всему, что происходит в стране. Это в теории можно было себе представить. А вот как практическое явление, как практические события — это было очень таким внятным и производило сильное впечатление.

То есть все люди думают о другом. Страна ждет чего-то другого. Происходят события совершенно другого направления. И вдруг на полном ходу кто-то дергает стоп-кран в прямом смысле слова почти, включает «Лебединое озеро» и говорит: «Всё, остановка». Мало того — «Двигаемся назад. И никаких разговоров. Всё закрываем, всё выключаем», танки на улице. Но это было настолько не соот-

ветствующим всему, чем жила страна, что было ясно, что это совсем ненадолго, что это какое-то почти такое случайное недолговременное событие для всей страны.

Поэтому был один вопрос: как бы не было кровопролития. Собственно, всё. А дальше это вопрос времени. Потому что остановить направление движения огромной страны — это было невозможно.

Екатерина Столярова — Но это была попытка сохранить Советский Союз в том виде, в каком он им помнился, или это все-таки было желание кресла свои сохранить? Это одна из версий.

Григорий Явлинский — Понимаете, это речь шла не о Советском Союзе тогда. И это тоже очень важно понимать. Речь шла о политической системе, о режиме, об устройстве. Вот сохранится ли тоталитарное устройство с одной партией во главе или устройство будет другое — демократическое, в котором есть оппозиция, в котором есть демократия, в котором есть выборы. Вот в чем был выбор. Про само существование Советского Союза в тот момент, в августе 1991 года никто не думал. Потому что вызов этот еще не стоял. Ну, политологи рассуждали на всякие такие темы, безусловно. Но люди в таком широком смысле слова или массы, или жители Советского Союза — никому этого в эти дни в голову не приходило. Это вопрос был о свободе, о режиме. Вот какой будет режим. Вот будет режим такой, как был, только еще жестче, с какими-то там поблажками, которые они предлагали: мелкий бизнес, что-то еще такое; или будет какая-то свобода. Что это за свобода, какая свобода — мало кто понимал. Никто, наверное, не понимал. Но ощущение было именно такое: вот мы будем жить как европейская страна, или мы на полном ходу останавливаемся, замораживаем всё и возвращаемся назад.

Екатерина Столярова — То есть получается, что ГКЧП сидел где-то настолько высоко, что не видел, что происходит в стране, какие там уже царят настроения?

Григорий Явлинский — Получается.

Екатерина Столярова — А какие царили настроения? Чтобы понимать, да? Здесь, получается, очень важно именно понять, каким было общество уже к тому моменту. Я уже на тот момент была, конечно, еще ребенок. Но сейчас читая, я понимаю, что оно было на этом

расколе. То есть мы уже не хотим, как было, мы хотим как-то по-другому, но еще, наверное, не знаем, как по-другому.

Григорий Явлинский — Да. Но дело было вот в чем. Я сейчас вам попытаюсь сказать то, что, я думаю, самое главное. Где-то года с 1987—1988 появилось одно, но самое главное обстоятельство: свобода слова. Всё. Вот это то, что поменяло всё. Это было именно то событие, это было событие сверхключевое. Люди могли громко говорить то, что они думают, не боясь при этом, что их посадят, что их лишат работы, что их исключат даже из партии. Всё. После этого уже ничего остановить было невозможно.

И действия ГКЧП воспринимались исключительно как действия против этого. Вот против той самой свободы слова, против возможности говорить то, что думаешь, причем публично, причем громко, а не только на кухне или по секрету на ушко. И отсюда же это «Лебединое озеро». Всё, сразу же всё выключилось, все СМИ выключились, все агентства, какие были, они все должны были выполнять только приказы. Всё это контролировалось. И так далее. Вот о чем, собственно, речь.

Екатерина Столярова — Тогда почему такое небольшое количество людей (ну, относительно небольшое) вышло все-таки на улицы. В городах вообще ведь была тишина, то есть никто не вышел. Вышло чуть-чуть Москвы, немножко.

Григорий Явлинский — Так Россия устроена.

Екатерина Столярова — То есть что есть какая-то кучка людей, вот таких энтузиастов?

Григорий Явлинский — Вы знаете, вы задеваете очень важный вопрос, ключевой. Да, активная часть общества — она небольшая. Она во всем мире небольшая. Вы знаете, что академические исследования говорят о том, что если, допустим, в протесте участвуют 3% населения, этого достаточно, чтобы поменять систему и режим, понимаете? Это наука так говорит. Тем более Россия так устроена. Россия устроена так, что вся политика в Москве. Это плохо, но это факт.

Екатерина Столярова — Даже в Москве это была небольшая группа людей в центре. Вот около Белого дома там что-то происходило.

Григорий Явлинский — Я не могу оценить, сколько было людей. Ощущение было, что… Я не видел ни одного человека. И вообще за всю свою жизнь не встречал ни одного человека, кто был на стороне ГКЧП. Ну я просто не видел таких. И в этот день очень многие испугались, потому что знали, как умеют действовать ортодоксальные коммунисты, когда они захватывают власть. Многие очень испугались.

Но те, кто не так уж испугался, они вышли на улицы. Их было много. По крайней мере все, кого я знал, все были на улицах.

Екатерина Столярова — Интеллигенция, я так понимаю.

Григорий Явлинский — Студенты, молодежь. Не только… Вы просто посмотрите, какие были митинги на Манежной площади. Это немаленькая… Посмотрите на эти фотографии. Это совсем не мало людей. Какие были митинги в Лужниках. Если вы глянете на это, то вы увидите, что это огромные, совершенно огромные митинги. Поэтому людей было на самом деле много. Просто люди боялись выходить на улицы. Потому что не знали, что будет. Не все такие смелые. Но людей было очень много. Очень много протестующих людей — безоружных, с авоськами, с пакетами. Просто люди.

Екатерина Столярова — Просто мы много с кем общались. И были и такие версии, что на самом деле многие ну не то чтобы поддерживали ГКЧП, но поддерживали Горбачева и хотели сохранить то, к чему он шел.

Григорий Явлинский — А там не было различий. Поскольку он оказался арестованным, то и те и другие люди были вместе. Там были те, которые за Ельцина…

Екатерина Столярова — И которые за Горбачева.

Григорий Явлинский — Да, и те, которые за Горбачева. Они в этот момент (вот в августе) в эти дни были вместе, конечно.

Екатерина Столярова — У Ельцина и у Горбачева одни ли были цели? То есть, я понимаю, был союзный договор, планировался. К нему всё дело шло. И вроде как и Ельцин его хотел и поддерживал, и Горбачев, соответственно. Но, опять же, есть… Сейчас мы общались с Венедиктовым, который впоследствии много беседовал с Ельциным на эти темы, с Павловским. И они утверждают, что да, на самом деле не хотел Ельцин никакого союзного договора, что на

самом деле у него были абсолютно такие настроения, что он хотел быть ханом в своем маленьком государстве, а остальное его уже мало беспокоило.

Григорий Явлинский — Очень важный вопрос.

Екатерина Столярова — И поэтому не получилось потом что-то сохранить.

Григорий Явлинский — Прежде всего был референдум. Вы знаете, о каком референдуме я говорю. Был референдум за сохранение Союза. Но вообще я вам должен сказать. Есть такие идеи, которым политики боятся противоречить. Они настолько, вообще говоря, разумные для большинства людей, что даже политики, которые вынашивают прямо противоположные планы, они публично об этом боятся говорить. Вот Союз — это была такая идея, которую пытался реализовать Горбачев с большим опозданием, а Ельцин видел все это иначе.

Но до какого-то момента он об этом не хотел говорить. Потому что он догадывался, что это не очень-то популярная вещь. И в элитах не самая популярная, и среди людей тоже не такая уж популярная. И поэтому так внезапно потом произошла Беловежская пуща. Почему она так внезапно? Вдруг раз — и всё. Потому что эта идея была не из числа таких суперпопулярных. Она была очень радикальная, политическая, кстати, совершенно особая. Не вполне соответствующая времени и истории. То есть вполне ей несоответствующая. Потому что, смотрите, в Европе создавался Европейский Союз. Понимаете? В мире проходила глобализация. А здесь приняли решение о распаде. Прямо наоборот.

Поэтому это была очень спорная история. И в этом смысле да, вы правы. В тот момент, в момент путча они объективно оказались на одной стороне, потому что Горбачев был арестован или как бы арестован. Я не знаю точно. И Ельцин одновременно еще и освобождал Горбачева, потому что в мире, конечно, фигурой №1 тогда был еще Горбачев.

В общем, сочетание всех этих факторов привело к тому, что они были вместе. Но он еще не был тогда уверен, как он поведет себя и что будет там, но он хотел абсолютной власти, да. Борис Николаевич

хотел абсолютной власти. И то было одной из причин распада или разрушения Советского Союза.

Екатерина Столярова — Так вот ГКЧП стал ли в принципе таким триггером к распаду, или это в принципе уже было неизбежно, то, что произошло бы в любом случае?

Григорий Явлинский — Было ли это неизбежно, я не знаю. Ощущение такое было. ГКЧП показал, что власть союзная… ну как вам сказать? Просто всё, вне контекста. Она ничего не соображает, она не понимает направление развития. Я еще раз говорю. Это было не про СССР. Это было про политический режим. И вот такие шаги значительной части союзной власти говорили о том, что всё, эти люди вне контекста, с ними невозможно иметь дело, они ничего не соображают. Это было преступно по отношению к стране. Просто всё то, что представляло собой союзное руководство, произвело самоубийство. Всё.

Екатерина Столярова — Спасти это можно было? Допустим, Горбачев. Он ведь по сути тоже был победитель. Наравне с Ельциным. Все, ГКЧП сдались, выбросили этот белый флаг. Он возвращается. И у него еще в руках все инструменты. На мировой арене он еще лидер. Ну выступи ты с месседжем определенным. Была ассамблея ООН в сентябре. Поедь туда. Ты для них всех еще лидер.

Григорий Явлинский — Да это так и было. Однако восстановить лидерство… Формально как бы лидер. Но после того, как всё… Хотите так скажу. Ваша команда произвела суицид, сама себя уничтожила своим идиотизмом, ну просто идиотизмом, просто самоубийство совершило, ну это не так просто — набрать новую команду. Кто к тебе пойдет, как это сделать? Это же месяцы.

Кроме того, тут еще Ельцин, который всё тянет на себя. Это уже было совершенно затруднительным делом. Однако некоторые вещи Горбачев сделал.

Екатерина Столярова — Что?

Григорий Явлинский — А вот что он сделал. Я тогда работал по просьбе Ельцина и Горбачева заместителем председателя последнего советского правительства. Оно называлось Комитет по управлению народным хозяйством.

Екатерина Столярова — Это вы как раз после августовских событий?

Григорий Явлинский — Прямо сразу, как только они завершились. В этом Комитете по управлению народным хозяйством СССР работали Аркадий Вольский, Юрий Лужков и я. Возглавлял Силаев, который был председателем Правительства России. Вольский занимался военно-промышленным комплексом, Лужков — гуманитарной помощью, которую присылал весь мир, а я занимался всем остальным, то есть всем: промышленностью, экономикой транспорта, финансами, школами, детскими садами, то есть всей экономикой, всем транспортом, всей социальной сферой. В общем, всем вот этим. И все это было в ручном режиме.

Однако главной своей задачей на тот момент я считал реализацию и создание экономического договора между бывшими республиками СССР — это было важнейшей частью моей программы. И я его сделал, я, наконец, получил доступ к информации, я, наконец, получил положение, в котором я мог принимать решения, давать поручения. Они, в основном, исполнялись, потому что идея была очень сильной. И был создан договор.

Представьте себе, что это за договор. Общая валюта — рубль. Банковский союз. Единое таможенное пространство. Единая тарифная. Общее законодательство, которое позволяет создавать экономическую структуру, аналогичную той, которую строит Евросоюз. Евросоюз к этому пришел через десять лет после этого, а мы могли это сделать уже тогда.

И вот Горбачев в ноябре, кажется, 1991 года в Кремле подписывает этот договор. Там 63 соглашения. Его подписывают, не поверите, сколько республик: 13 из 15. Не подписывает только Азербайджан (с ним проблема там Карабаха и Армении) и Грузия (там Гамсахурдия — он человек особенный). Даже балтийские государства подписывают в качестве наблюдателей.

Екатерина Столярова — То есть все готовы были все-таки продолжать сотрудничать?

Григорий Явлинский — А надо же каждый день жить. Все же понимали, что экономика взаимосвязанная, она создавалась 70 лет.

Екатерина Столярова — Все понимали, но, тем не менее, 23 августа, 24-го все уже заявили о том, что мы теперь самостоятельные.

Григорий Явлинский — Смотрите, в чем была конструкция. Я говорил Михаил Сергеевичу: «Пускай вешают флаги какие хотят, не трогайте их. Они хотят разговаривать на украинском языке, ну какая проблема — пусть разговаривают, пусть вешают. Экономику давайте сохраним, и тогда у нас есть перспектива».

Екатерина Столярова — То есть автономия — Бога ради, живите как хотите, а экономические связи…

Григорий Явлинский — Как они там хотят. У нас будет общая экономика, очевидно, будет общая армия.

Екатерина Столярова — Потому что все было интегрировано друг в друга, как можно было это рвать.

Григорий Явлинский — Ну конечно. Очевидно, что будет общая армия. Ну всё. А дальше шаг. Если это все будет работать. Дальше посмотрим, как это все организуется. Не трогайте этот парад суверенитетов. Не трогайте — каждый первый ЦК Компартии Республики. Подчеркиваю — ЦК Компартии Республики — должен объявить себя президентом или там начальником. Ну что с ними сделаешь? Вот они такие. Вы же раньше их видели, ну вы… Поэтому не трогайте их. Давайте сделаем экономический союз — это фундамент. А потом шаг за шагом. Армию сохраним и вот этот фундамент сохраним. И всё. Сейчас никто против этого не возражает.

Но вот уже тогда можно было убедить, по крайней мере, Горбачева. Ну и всё, а потом Беловежская пуща и конец.

Екатерина Столярова — Такая судьба и с вашей программой «500 дней» была похожа, то есть Горбачев сказал: «Да, мне нравится».

Григорий Явлинский — Да, это часть программы «500 дней», правильно. Я просто не вспомнил об этом. Это часть, это крупный раздел программы «500 дней» — вот это он и был. Ну а судьба, вот она примерно такая же. И они там даже когда подписывали это Беловежье, они тоже говорили: «Нет, мы там что, кооперационные связи, мы все сохраним». Но все это было вранье.

На этом же был построен мой разговор с Ельциным. Ельцин же предложил мне стать премьером.

Екатерина Столярова — Вы отказались.

Григорий Явлинский — Да. Тогда вот, тогда. Я сказал: «У меня два вопроса. Первый: вы действительно хотите в сверхмонополизированной экономике, в которой нет ни одного частного предприятия, и в которых монополии создавались умышленно в течение 70 лет? То есть если автозавод, то самый большой, если завод кондиционеров, то один. Ну и так далее. Если молокозавод, то один на пять областей. Вы в такой экономике хотите в один день освободить цены? И второй у меня вопрос: что будет с экономическим союзом?» И ответ мне был такой: «Россия пойдет одна, и мы не можем никого ждать».

Ну вот, мне дважды: один раз Борис Николаевич, один раз от его имени, были высказаны предложения, я сказал, что я не буду так действовать. Я не буду реализовывать такую программу, потому что будет инфляция гигантская, а из-за разрыва связей будет огромный спад производства — глубочайший. Это же очевидно.

Екатерина Столярова — Вот почему вам это было очевидно, и мне сейчас даже со стороны глядя это очевидно, а им не очевидно?

Григорий Явлинский — Кому им? Смотря кому им.

Екатерина Столярова — Ельцину, например.

Григорий Явлинский — Ельцину? Сейчас скажу.

Екатерина Столярова — То есть это какие-то имперские такие замашки, что дайте мне...

Григорий Явлинский — Сейчас скажу. Нет. Вот эти руководители КПСС, они, в принципе, не понимали, что такое экономика.

Екатерина Столярова — Ну как это?

Григорий Явлинский — Вот так.

Екатерина Столярова — Это же должно быть на уровне игры «Монополия», понимаете?

Григорий Явлинский — Да, они считают, что они скажут. Но вы совершенно правы: тут нет ничего сложного. Но из-за этого что потом получилось?

Екатерина Столярова — Вот есть завод здесь, а детальки ему поставляются, условно говоря, из другой страны.

Григорий Явлинский — Мы получили 2600% гиперинфляцию. Ну я вот все-таки продолжу эту линию. Это что такое? Это полное уничто-

жение денег, просто всё. А потом как проводить приватизацию? Как, если нет денег? Отсюда мы получили криминальную приватизацию, залоговые аукционы, вот это всё. Всё, это был фундамент страны, в которой нет разделения властей, потому что если бизнес слился с властью, а он слился с властью, потому что это полукриминальная приватизация.

Всё, значит никто в стране не заинтересован (кроме граждан) в независимой судебной системе, в независимых средствах массовой информации и далее везде. В независимом парламенте, в разделении властей. Всё. Вот это фундамент мафии, фундамент корпоративного государства. Но это потом все случилось. А в те дни, в которые вы спрашиваете меня, вроде это было очевидно.

И мне был задан такой, вот прямо так был задан вопрос. У Ельцина на столе лежит два указа назначения исполняющего обязанности премьер-министра.

Екатерина Столярова — Вы или Гайдар.

Григорий Явлинский — Да, один на вас, один... Вас он знает и хочет назначить. Второго человека он не знает и не знает, что будет, но ему назначать надо. Решайте. Я говорю: «Что вы хотите, чтобы я делал? Вы хотите, чтобы я в один день освободил цены в этой экономике, а потом вы хотите, чтобы я обрубил все кооперационные связи в течение первого года?». «Да, Россия пойдет одна, и она не может ждать». «Ну всё, — я говорю, — я не буду это делать».

Екатерина Столярова — Экономически на тот момент вообще что из себя Союз представлял? То есть мы, например, общались с людьми, которые жили в те времена. Они говорят: «Это был голод, ничего не было, и нам было плевать, останется там СССР или будет что-то другое. Мы есть хотели». И ГКЧП тоже, это же был один из инструментов, что мы голодаем, сейчас мы все урожай там собирать пойдем.

Григорий Явлинский — Смотрите, поскольку я занимался всем вот этим в этом Комитете управления народным хозяйством, я могу сказать вам абсолютно твердо: никакого голода не было. Там произошло следующее. В командной экономике исчезли команды, то есть все было, но все превратилось в хаос. Оно все было, только его

не было в магазине, потому что были фиксированные цены. Откуда появлялась эта идея освободить цены? Был Черемушкинский рынок, если вы знаете такой в Москве, — там все было. Почему? Там были свободные цены, поэтому там все было. Ну, так они сделали Черемушкинский рынок сразу везде. Но как кто не имел к нему доступа, тот и не имел потом. То есть оно-то все, может, и стало появляться, но оно же по каким ценам стало появляться.

Екатерина Столярова — Да-да-да.

Григорий Явлинский — А на самом деле это был не тот голод, когда нечего есть. Это не тот голод. Это был голод вот из-за хаоса, из-за того, что ничего невозможно было привезти, отнести, все ушло в такую незаконно частную торговлю. Ну и т.д., и т.д., и т.д. Конечно, это все надо было приводить в порядок, конечно нужно было, чтобы выдержать это... Например, я занимался детскими садами, больницами, школами — да не было там никакого голода. Но чтобы этим заниматься, этим надо было заниматься вручную — буквально давать команды: вот сюда вести это, проверять, контролировать. Но так не могло продолжаться дальше. То есть вот командная система, на которой основывалась советское, она развалилась. И это действительно.

Но восприятие людей было ровно такое, как вы говорите. Поэтому столько людей выходило на улицы. Поэтому столько людей не поддержало ГКЧП. Поэтому люди были за другое. Поэтому настроение... Потому что им говорили: «Если мы отменим вот эту систему, мы будем жить как в Европе». А в Европу уже некоторые съездили. Кроме того, были вообще всякие там мечты, все понимали, что: «О, ничего себе, Финляндия там».

Екатерина Столярова — Вот какие мечты? Расскажите вообще, какое было общество тогда? Что они уже видели, что они уже понимали? Вот эти люди, которые еще недавно жили за закрытым занавесом, за железным, что они уже знали и чего хотели?

Григорий Явлинский — Они просто видели, что можно жить иначе. Они видели, что вот совсем по-другому живет та же самая Финляндия — это то, что было близко. Но не говоря уже там о других странах, так называемых капиталистических. Им хотелось так. Они мечтали, что «а мы так сделаем, и у нас будет то же самое, и мы будем

жить... Мы будем свободными людьми, мы будем жить припеваючи». И, собственно, всё.

Вот на этих настроениях и делал свою программу «500 дней». Ведь в чем там суть была? Суть была очень, опять же, вам понятная и простая. Я хотел, чтобы, в связи с тем, что был огромный денежный навес... Почему магазины были пустые? Потому что цены были фиксированные, а денежный навес был очень большой.

Я говорил: «А давайте мы начнем продавать государственную собственность: магазины, химчистки, прачечные, ну все на свете. Малое, среднее — людям на деньги, накопленные за советское время. И мы этот денежный навес ликвидируем довольно быстро. И оно выровняется. Ну, будет там рост цен какой-то. Но все, появятся товары, потому что денежный навес будет ликвидирован». Вот это была малая, средняя приватизация. Это то, чего ждали люди.

Я когда только эту программу опубликовал, было огромное количество предложений из всей страны. Люди на местах разрабатывали эти программы, предлагали эти программы. Мои друзья в Москве приходили ко мне: «Мы хотим купить вот этот магазин, вот мы собрали деньги, мы готовы это выкупить». Это был огромный такой драйв. Но пошло все по-другому.

Екатерина Столярова — Ну почему, потом госсобственность также стали продавать, только...

Григорий Явлинский — Да, только другую и другим. Сначала всех надули с этими ваучерами, которые были просто наперстками, а потом залоговые аукционы. Продавали друзьям, близким людям, вы же знаете.

Екатерина Столярова — В жизни так чаще всего все и делается — мы все близким и друзьям.

Григорий Явлинский — Вот вы меня спрашиваете, какой получился. Вот так оно и получилось, так и заложили фундамент вот этого устройства нынешнего.

Екатерина Столярова — В августе 1991-го вы были в Белом доме?

Григорий Явлинский — Был, да.

Екатерина Столярова — Сразу туда поехали?

Григорий Явлинский — Ну сразу. Я не был в Москве. Я приехал через сутки после начала событий и пошел в Белый дом, да. И встретился там с Борисом Николаевичем.

Екатерина Столярова — Какая там царила вообще атмосфера?

Григорий Явлинский — Ну если откровенно, уже когда я туда пришел — то, что лично видел я — я ожидал там увидеть напряжение и тревогу, но я этого не увидел. Там все были довольно спокойные, оживленные, с улыбками. Например, Борис Николаевич, когда я к нему пришел, спросил: «Ну, вы будете теперь со мной работать?». Я говорю: «Борис Николаевич, а больше у вас никаких вопросов нет? Все остальное вам кажется...». «Да мы справимся, а вот вы отвечайте». Потому что я ему накануне сказал, что я не буду с ним работать.

Екатерина Столярова — А откуда такая уверенность, что все...

Григорий Явлинский — Я не знаю этих... Вот этих подробностей и тонкостей я не знаю.

Екатерина Столярова — Он общался с Крючковым в эти дни?

Григорий Явлинский — Он лично — вряд ли, но думаю, что с ним общались люди из окружения Бориса Николаевича. И с Крючковым, и с Язовым, я думаю, они общались. Ну я не знаю точно, но у меня ощущение, что да, они общались. И те им говорили: «Ну ничего такого не будет там...».

Екатерина Столярова — Там, наверное, была попытка что-то совместное сделать, потому что вряд ли ГКЧП понимали, что Ельцина надо там убирать, да? Я имею в виду, что они понимали, что с ним лучше договориться сейчас.

Григорий Явлинский — Они понимали, что он очень популярен и что они побоятся его трогать, поэтому они как-то с ним разговаривали. Они почти сразу поняли, что все буксует. Танки, конечно, приехали, но никакого настроения у танкистов что-то делать... И что с ними делать дальше, с этими танками, никто ничего не знал. Ну я же вам говорю: это просто коллапс всех государственных союзных структур произошел. Просто распад.

Екатерина Столярова — Белый дом штурма не ждал? Просто о нем говорили.

Григорий Явлинский — Люди вокруг готовы были жизнь отдать. Они были просто героями. Но внутри Белого дома… То, что я видел. Я, правда, там видел только начальство больше. Они были довольно спокойны. И, в общем, они понимали, что впереди большая победа. Они понимали, что это поражение. Может быть, не в первый день, но в первый день и меня не было. Я ехал в поезде, писал листовки и раздавал на полустанках — вот я чем занимался. И собирал собрания в поезде. Люди приходили, я им что мог объяснял, рассказывал и ехал в Москву. Сутки я ехал. А когда я уже приехал, они уже были… Они уже, видимо, понимали, что все, это вопрос дней, и они победители. Так и было.

Екатерина Столярова — То есть ГКЧП эту победу Ельцину на блюдечке фактически преподнесли и дали ему власть?

Григорий Явлинский — Ну так, если ваш оппонент… Сами подумайте, если ваш оппонент, противник, совершил… Как прилично объяснить… Ну что-то совершенно вот такое, так понятно, что вам даже делать ничего не надо. Вам только надо наблюдать. Вы же говорили, что они слабоумные. Ну вот. Они устроили слабоумное политическое мероприятие. Ну и всё. Потому что, еще раз объясняю, потому что оно совершенно было перпендикулярно, совершенно в другую сторону от того, как развивалась страна. Все мысли в стране были про другое, все настроения были про другое. Поэтому когда люди с таким удивлением вдруг услышали, что оно совершенно выпадающее из контекста, ну…

Екатерина Столярова — Когда они выбросили белый флаг, на улице было понятное ликование, то есть это воспринималось, наверное, как победа вот народа, да? То есть люди отстояли свое право на свободу, на демократию.

Григорий Явлинский — Конечно.

Екатерина Столярова — Вы лично как это воспринимали? Вот мы, например, говорили с Павловским, и он сказал: «Для меня было очень горько наблюдать, как народ просто довольствовался тем, что снес памятник Дзержинскому. И всё. То есть для них было ощущение, что вот она — победа. И никто не подумал о том, чтобы как-то дальше, может быть, создать какую-то партию политическую, еще что-то,

какого-то лидера народного выбрать и двигаться дальше. А они вот все отдали Ельцину и пошли».

Григорий Явлинский — Нет, Ельцин тогда в этой ситуации оказался совершенно непререкаемым авторитетом и кумиром. Лично у меня были очень тяжелые ощущения, потому что я видел, как развиваются события. Это нужно еще предисловие к этому. Длинное довольно должно быть о том, как все это получилось, как это все... Это же было тоже... Вот это ГКЧП, оно было результатом очень большой непоследовательности: шаг в одну сторону, шаг в другую, шаг в одну, шаг в другую.

Екатерина Столярова — Горбачева?

Григорий Явлинский — Конечно. Они воспринимали его шаги в эту сторону как индульгенцию, или как право, или как указание. Такое не открытое, а такое как бы скрытое. Это вот в политике так любят: одни разговоры с одними, другие разговоры с другими. Вот эти одни разговоры и другие разговоры лежали в основе того, что они собрались, и у них была такая мысль, наверное, что нам еще спасибо скажут.

Екатерина Столярова — Но Ельцин... Нормально, это действия политика: договориться с тем, с этим, попробовать так, эдак... Он осторожничал, учитывая обстановку.

Григорий Явлинский — Это другая история. Я имею в виду, что делал Михаил Сергеевич. Он разговаривал с этими и с теми. Нет, ну понимаете, да, это вопрос шире. Он заключается в том, что, может быть, если бы Горбачев действовал более целенаправленно, то вообще ничего бы не получилось. Может быть, благодаря тому, что шаг один, шаг другой, шаг один, шаг в одну сторону, в другую сторону, в эту сторону, все оказались дезориентированы, и все получилось. Но это уже другая тема. Здесь они просто пошли. Я не знаю, подбадривал ли он их в этом отношении, получили ли они от него какие-то косвенные намеки, что это надо делать, это я не знаю.

Екатерина Столярова — Ну да, такая версия существует.

Григорий Явлинский — Но вот эта непоследовательность, она действительно производила очень сильное впечатление. И понятно было, что она чем-то таким кончится. Там есть много таких...

Его встреча в Лондоне на «семерке», когда он впервые поехал на «семерку», Горбачев, как все это было, с чем он вернулся. Там большая тема. Это вот все, ну конечно, тема развития страны. Вообще говоря, на самом деле, в 1988 году, когда я стал руководителем сводного экономического отдела Совета министров СССР, я сказал Николаю Ивановичу Рыжкову и Леониду Ивановичу Абалкину — моим руководителям, что необходим новый союзный договор, потому что невозможно работать. У меня был сводный отдел, я должен был со всеми работать. А уже работать... 1988 год... было невозможно.

Екатерина Столярова — То есть вы считаете, что здесь Горбачев слишком затянул и надо было раньше?

Григорий Явлинский — А мне ответили через несколько месяцев. Я спросил: «Вам удалось сообщить Михаилу Сергеевичу о том, что нужен новый союзный договор?» Знаете, какой был ответ? Он будет вам очень знаком. «Вы знаете, — сказали мне, — Григорий Алексеевич, у Михаила Сергеевича столько забот: у него визиты, у него делегации, у него пленумы, у него там секретариаты...». И когда я шел по коридору в Кремле, я помню свою мысль. «Всё, — подумал я, — если не отличают главное от второстепенного, не могут определить, что самое важное, — всё». Что всё, я не знал, но понятно было, что всё.

Екатерина Столярова — Это был 1988-й?

Григорий Явлинский — 1988 год. А потом вернулись к этому договору уже в 1991-м. А так устроена политика и история, и время: пропустил время — всё.

Екатерина Столярова — А в 1988-м еще было не поздно?

Григорий Явлинский — Когда я увидел это, тогда я об этом говорю. Думаю, нет. Думаю, тогда можно... Тогда надо было все бросить и заниматься только вот этим вопросом — создавать... Потому что история меняется, время пришло другое. Нужно было создавать новый союзный договор. Но это если продолжать вашу мысль о том, какова судьба Союза. Вот судьба Союза, она так решалась, вот этом смысле.

Екатерина Столярова — На ваш взгляд ГКЧП — это изменники Родины?

Григорий Явлинский — На мой взгляд, дураки.

Екатерина Столярова — В связи с этим они и были амнистированы?

Григорий Явлинский — Это другая. Это еще одна тема. Хороший вопрос. Это еще одна тема. Значит, они не сразу были амнистированы.

Екатерина Столярова — Ну да, это 1993-й уже был.

Григорий Явлинский — Так в 1993-м, когда еще одна история появилась.

Екатерина Столярова — Другие события.

Григорий Явлинский — Еще одна заваруха появилась. Ну, если касаться этих именно людей, ну да. Да.

Екатерина Столярова — Потому что дураки? Или потому что Ельцину хотелось?

Григорий Явлинский — Ну потому что всех надо было… Это уже вопрос, связанный с 1993 годом, с тем, что произошло в 1993 году. Я, например, считал, а это отрезали из всех моих выступлений. До сих пор сохранили мои выступления по телевидению, когда я призывал подавить мятеж. Но главное я говорил после этого. Я говорил: «Необходимо общественно парламентское расследование, кто довел дело до братоубийства». Я говорил: «Вот есть в Уголовном кодексе статья о доведении до самоубийства». Знаете, наверное, да? А это доведение до братоубийства, люди убивали друг друга. Братья, ну это уж совсем. Вот кто несет за это ответственность?

И когда создали Государственную Думу в 1993 году, решили ни в коем случае такое расследование не проводить. Мы внесли решение Думы о проведении такого расследования, а в ответ на это Ельцин договорился с коммунистами и с Жириновским о том, что амнистия. Амнистия. Но только чтобы не было расследования. Вот и всё. А коммунисты…

Екатерина Столярова — То есть это не про какое-то миролюбие Ельцина? О том, что он не хотел строить там новую власть на крови? Не про то, что он хотел каким-то образом уколоть Горбачева лишний раз, что вот смотри, они тебя предали…

Григорий Явлинский — Когда? В каком году?

Екатерина Столярова — Ну вот то, что он амнистировал.

Григорий Явлинский — Нет-нет-нет-нет. Я лично думаю, что это был шаг чтобы предотвратить парламентское расследование и постараться как можно быстрее закрыть тему. И в эту амнистию попали эти. Вот и всё. Это было очень неправильное действие. Не с точки зрения, что я против амнистии. Я не про это. Для меня было главным расследование, кто довел дело до братоубийства в 1993 году. А они понимали, что это братоубийство. Самое настоящее. И для того, чтобы не было этого парламентского расследования, они его обменяли на амнистию. Вот и всё. И коммунисты поддержали это, а все остальные, кроме нас, тоже поддержали. Ну и всё.

Екатерина Столярова — В 1991-м вы поехали задерживать главу МВД на его квартиру. Как вообще это произошло? Как вы туда попали? Почему вы?

Григорий Явлинский — А просто сказали, что понятые нужны.

Екатерина Столярова — Вы находились в Белом доме?

Григорий Явлинский — Да, я находился в Белом доме. Я помню, что я спал. Это ночь была. И мне говорят: «Ты знаешь, нужен кто-то вот такой известный, чтобы быть понятым при аресте Министра внутренних дел». «Ну давай, пожалуйста». Ну и всё. Мы поехали сначала в Министерство, там его не было. И потом поехали на квартиру. А на квартиру когда приехали, он уже был мертвый. А жена его была тяжело ранена. Вот и всё.

Екатерина Столярова — Как вы это восприняли вообще, потому что по воспоминаниям некоторые говорят, что он был на такое неспособен, что он был достаточно сильный, циничный и такой серьезный лидер вообще во всей этой группировке?

Григорий Явлинский — Пуго, я его не знал совсем. Я никогда с ним не общался, не разговаривал, я его не знал. Я это воспринял как трагедию. Ну как, вы заходите в небольшую квартиру в самом центре Москвы, в арбатских переулках, и видите там лежащего в тренировочном костюме мужчину с простреленной головой, и рядом со страшной раной лежащую жену. Ну что там говорить? Просто не о чем говорить.

Екатерина Столярова — Про то, как вы были в Белом доме, расскажите еще. Вы вообще оттуда не выходили что ли все эти дни?

Григорий Явлинский — Нет, я выходил. Я выходил, потому что у меня... Я тогда работал. Был Центр экономических и политических исследований...

Екатерина Столярова — «Эпицентр».

Григорий Явлинский — Который я возглавлял. Да, «Эпицентр». А он находился в СЭВе на 27-м этаже, то есть через дорогу. И из окон своего кабинета я вообще видел все вокруг — все, что происходит. Поэтому мне хорошо было туда, и там были мои товарищи. Мне хорошо было туда возвращаться. Меня пускали туда и туда, я мог проходить и оттуда сверху вот это вот все видел.

Екатерина Столярова — А с людьми на улице вы общались?

Григорий Явлинский — Ну да, они меня приветствовали. Они когда видели, что я туда захожу, они кричали мне, махали руками. Вот оттуда же я видел и огромную толпу людей, которая приветствовала Бориса Николаевича у Белого дома после того, как все закончилось. Я видел это ликование. И у меня, и у моих товарищей никакого ликования не было, потому что было понятно, что сейчас все это пойдет... непонятно куда. Было понятно, что непонятно, куда все это пойдет.

Ну вот, и после этого меня позвали, и я стал делать экономический договор. Но настроения были вот такие. А у людей других не может быть настроений, и никогда не будет других настроений. Это вопросы элит. Всякая власть — это слепок общественного сознания активной части общества. Не всего народа, а активной части — вот которая в данном случае, в данный исторический период является активной политической частью. Она отражается в том, какая власть. Когда люди спрашивают: «Когда поменяется власть?», мне хочется им сказать: «Когда у вас мозги поменяются, тогда и власть поменяется».

Екатерина Столярова — Разве не с головы рыба гниет?

Григорий Явлинский — Да, только от головы активной части общества.

Екатерина Столярова — То есть голова — это все-таки не власть?

Григорий Явлинский — Это активная часть общества. От этого меняется народ, и от этого меняется власть. Голова — она вот тут, а не там и не там.

Екатерина Столярова — То есть восприятие народа, что мы все-таки хвост — это не совсем верно?

Григорий Явлинский — Это не так. Это вообще не так. Но просто в историческом политическом контексте главная ответственность и главная нагрузка — это вот эта часть общества. Вот люди, принимающие решения, участвующие в подготовке решений, участвующие в работе, которые влияют на то, что происходит в обществе, которые убеждают, которые разговаривают со страной.

Также и тогда было. Вот эти люди получили возможность говорить что они думают, вот и всё. И 2–3 года. Ну кто в 1985 году или в 1986-м мог предполагать, что через три года такая империя как Советская империя, она... Это никто не мог предполагать. А решение пришло. Просто от свободы слова. Причем я даже, если вы заметили, не говорю, что там правду говорят. Что такое правда — это отдельный вопрос. Просто что люди говорят то, что думают. Вот и всё.

Екатерина Столярова — Тогда почему мы сейчас, какие-то проводя исследования, какие-то опросы, отмечаем все больше и больше романтизацию что ли вот тех событий и даже некое сочувствие ГКЧП? И когда ты задаешь уже вопрос людям: «А вы как считаете вообще? Вот сейчас вас поставь в то же время, в то же место, вы бы кого поддержали?». И задумывающихся все больше, больше и больше.

Григорий Явлинский — Ну вот я два обстоятельства хочу вам сказать. Во-первых, так люди устроены — они очень любят свою молодость. А еще больше любят то, что было до нее, потому что там вообще существуют невероятные фантазии о том, что тогда было. Поэтому это естественно. Но если говорить политически, то главный вопрос вот в чем. Вот одну причину того, что происходит сегодня, я вам назвал — это то, как провели реформы.

А вторая причина (их две) — то, что отказались от оценки советского периода. Отказались от оценки общественно-государственной сталинизма, революции 1917 года и всего советского периода. Это не вопрос о том, что кого-то наказывать там, но этому всему надо было дать оценку. Без этого правовое государство создать невоз-

можно. Без этого все равно будут ходить по кругу. И это будет очень опасно и печально.

Екатерина Столярова — Вот я хотела задать вам вопрос, вынесли ли мы уроки из этого? И вот вы отвечаете.

Григорий Явлинский — Вот я вам говорю: нет, никаких уроков никто не вынес. Я еще раз хочу сказать. Две были причины. Были грубейшие ошибки и преступления в том, как проводили реформы. И вторая тема, которую я тогда не понимал. Я теперь это понял, а тогда я этого не понимал. Что без оценки этого советского периода, буквально начиная с переворота 1917 года; без оценки большевизма — что это такое, когда политика строится «цель оправдывает средства»; без оценки сталинизма, когда репрессиями пугают людей. Репрессии в таком масштабе проводятся не для того, чтобы освободиться от врагов, а для того, чтобы страх, чтобы все были в состоянии страха.

Екатерина Столярова — Так легче управлять.

Григорий Явлинский — Управлять, вообще говоря, можно либо когда у вас цена на нефть 150, и вы там всем раздаете, или когда страх. Только деньгами или страхом. Вот и всё. Других методов управления у корпораций нет. Вообще-то есть. Но у корпораций нет. А это корпорация. Значит, вот она может управлять так или так, и больше никак.

Екатерина Столярова — Так может просто времени мало еще прошло для того, чтобы давать какие-то оценки?

Григорий Явлинский — Может. Ну, может. Вот если нам с вами кажется, что мало времени, может. Тридцать лет в масштабе истории — это ничего. Если не будет кровопролития. Это я уж не для эфира вам скажу. Если не будет войны с Украиной или еще какого-нибудь маразма, то раньше или позже все будет. Но если это все будет — вот маразмы и война с Украиной, все развалится. И потом будет интервью. Уж я не знаю, как будет называться агентство, которое будет у кого-то брать интервью, будут говорить: «Ну как, вот Россия была такая большая страна, самая большая в мире. Ну как же допустили (как вы говорите, что Советский Союз развалился), что она развалилась?». Вот так. Вот так. Вот прямо так.

Понимаете, когда вы говорите, что у вас территориальные претензии к Украине, вы забываете, что к вам у Китая еще большие территориальные претензии. Что вы с ними делать будете? Как Даманский втихаря их отдадите вместе с могилами солдат, которые там похоронены? Что вы делать с этим будете? Вот это будут обсуждать опять лет через тридцать. Вот так сидеть и обсуждать.

Екатерина Столярова — Может быть, потому пока и обсуждают так мало, потому что отчасти идеи ГКЧП сейчас живут и процветают? И как бы зачем об этом говорить?

Григорий Явлинский — Объясню, как я думаю. Потому что нет стратегии, нет понимания будущего.

Екатерина Столярова — До сих пор? Сейчас?

Григорий Явлинский — Вот сейчас нет никакой.

Екатерина Столярова — Так мы так уже получается тридцать лет и живем...

Григорий Явлинский — Никакой нет стратегии будущего у руководства. Руководство не видит, что дальше делать. Оно не понимает этого. Оно все оборачивается назад: вот война — мы победили. Ну кто тут будет возражать? Ну конечно. Гагарин у нас полетел. Это же идти вперед с повернутой назад головой. Надо же видеть, а какая должна быть Россия в 2050 году, где она должна быть? Где она должна быть? Это же как вопросы математики. Тут, не тут. Тут нет.

У истории есть предопределенность. Нет, можно топтаться на одном месте, можно ее потерять, эту историю. Можно там на 50 лет или на 40 лет опоздать с отменой крепостного права и потом получить 1917 год — это пожалуйста. Но если слушать шаги, извините, Господа, а только это должен делать политик, то это совсем другое дело. Это значит понимать, куда идти. А сейчас ничего этого нет.

Екатерина Столярова — Если у вас было такое видение, почему же вы из раза в раз отказывались входить в правительство и что-то в нем менять?

Григорий Явлинский — Потому что меня звали в правительство как декорацию. Я при всех случаях (их было немало, да, несколько), я говорил: «Я приду не один». Мне говорили: «Нет, только один».

Екатерина Столярова — То есть вы хотели команду, а они не хотели?

Григорий Явлинский — Ну конечно. Но что я там один буду делать? Кроме того, потом уже я видел моего близкого человека, товарища моего, у нас были разные с ним отношения. Но я видел, как его попользовали. Это был Немцов. Его просто выставили как ширму, как декорацию, и всё. Потому что он был очень популярный, потому что люди его любили, и заслуженно. Вот и всё. Это же серьезное дело. Это дело не в ответственности, а дело в практической реализации чего-то. Но для этого же нужен другой министр финансов, для этого нужен премьер-министр, для этого нужно это... А просто так, чтобы годик поговорили, что вот там все, еще и этот, ну для чего это?

Екатерина Столярова — Просто вы говорите... У нас уже такой пошел философский, наверное, больше разговор, да? Вы говорите о том, что власть — это отражение все-таки общества, и до тех пор, пока общество не будет вызревать, не вызреет, ничего не поменяется.

Григорий Явлинский — Ну не все общество. Вот эта активная часть.

Екатерина Столярова — Вот та часть активная его, да. Вы же активная часть этого? Если мы не будем... Вот так вот, вы вышли, да? Вы один в поле воин — ну постояли, побились. Еще кто-то вышел — побился. Может быть, что-то и будет меняться?

Григорий Явлинский — А вот сейчас я вам на это отвечу.

Екатерина Столярова — А то получается как бы «а я не буду брать ответственность на себя».

Григорий Явлинский — Нет, не в ответственности дело. Я какую принял для себя модель. Я создал партию и десять раз: семь раз на думских и три раза на президентских выборах предлагал людям именно такой поворот. И проиграл.

Екатерина Столярова — Получается, что эта активная часть еще слишком мала.

Григорий Явлинский — Вот. А я сделал это. Что может еще политик сделать? Он может предложить. Он только может предложить. Только я хотел предлагать обществу, людям, всем сразу. И была такая возможность. Не надо драться на улицах, не надо ломать головы.

Ничего не надо. А надо прийти и понять, что вот, вот такая есть. Вот я говорил в 1995 году: «Реформы для большинства. Давайте проведем другие реформы». Ну и т.д. Но вот сегодня я сижу здесь с вами и говорю, как получилось. Значит, как вы говорите, тридцать лет мало. Мы и сегодня предлагаем. Думаю, в последний раз. Я не уверен, что будут еще какие-то выборы.

Екатерина Столярова — Почему?

Григорий Явлинский — Не знаю. Потому что одна из причин, почему нет модели будущего: потому что всякое современное будущее предполагает смену власти регулярно. А если вы не хотите смены власти регулярной и не знаете, как ее осуществить, и не верите своему народу, что он может осуществить смену власти, то вы предпочитаете все заморозить и вернуться назад. Вот имеем такой результат. Но теперь это надолго. Надолго.

Екатерина Столярова — Спасибо большое за интересную беседу.

Григорий Явлинский — Пожалуйста.

Выступление Григория Явлинского на Международной научной конференции

«30 лет без СССР: итоги и уроки»

23 ноября 2021 г., Институт экономики Российской академии наук

Григорий Явлинский — Хочу приветствовать всех и вас, Руслан Семенович [Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН], поблагодарить за организацию такого существенного обсуждения в эти дни, когда примерно 30 лет исполняется кончине СССР.

Конечно, распад СССР — такое очень многогранное, гигантское историческое явление, ну по крайней мере в масштабе века, а может, и не одного века, поэтому говорить про все это событие я не смогу. Но вот одну сторону, одну грань я хотел бы отметить — это экономика.

Начну я вот с чего. В 1955 году Лазарь Моисеевич Каганович стал первым председателем Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам. Тогда создали этот комитет, я потом в нем работал. И вот в 1955 году на политбюро слушался вопрос, он докладывал его, что делать с централизованным пересмотром норм. То есть это было такое дело, когда правительство и Госплан принимали решение о пересмотре норм, они пересматривались в разных отраслях на разную величину, но в один момент, сразу во всех отраслях. А потом, как вы помните, обычно 1 апреля снижались цены, снижение этих цен было частью того пересмотра норм, вот такая была схема.

И вот Каганович выступил и сказал, что больше возможности пересматривать нормы нет. Сталин умер в 1953 году, в 1955 году он сказал, будет просто революция, потому что, когда та же самая зарплата выплачивается за иную работу, увеличенную на 10%, на 15%, и это происходит каждый год, это в конце концов может привести просто к бунту. И вот на основе этого доклада и по его предложению было принято решение, которое легло в основу развала всей экономической системы. А решение было принято такое, чтобы разрешить предприятиям пересматривать нормы самостоятельно, пусть директора занимаются этим делом, а фонд зарплаты пускай продолжает устанавливать Госплан и Совет министров. Ну вот и все — система потеряла целостность, директора почувствовали себя хозяевами.

И потом было очень много всего: пытались сделать совнархозы, пытались создать новый хозяйственный механизм, фонды экономического стимулирования, даже дошли до хозрасчета, а ничего не работало. Ничего не работало, потому что главная связь в системе, связь между доходами и работой, была разрушена, разрушена варварски и совершенно бессмысленно. Правда, конечно, нужно сказать, что сама плановая система могла работать так, как она работала, только под пистолетом, грубо говоря, но это уже другой разговор, и что она была экономически несильно эффективная, неконкурентоспособная, это тоже уже другие оценки. Я сейчас говорю просто только об одном, о целостности работающей системы.

Теперь перейдем уже к концу всех этих хозяйственных попыток внедрить новый хозяйственный механизм, из которого ничего не вышло, Алексей Николаевич Косыгин [председатель Совета министров СССР в 1964–1980 гг.] этим занимался, Тихонов [Николай Александрович, председатель Совета министров СССР в 1980–1985 гг.] этим занимался, кто только этим ни занимался, ничего из этого не получалось. И вот, я уже перейду к концу, и это следующее мое соображение. В 1989 году, когда я стал руководителем сводного экономического отдела Совета министров СССР по экономической реформе, я осенью 1989 года обратился к Николаю Ивановичу Рыжкову [председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг.] и Леониду Ивановичу Абалкину [заместитель председателя Совета министров

СССР в 1989–1991 гг.] со следующим соображением: невозможно ничего делать, потому что с республиками утрачена связь, а все, что делает Маслюков [Юрий Дмитриевич, председатель Государственного планового комитета СССР в 1988–1991 гг.], то, что делает Госплан, — это высосано из пальца, это несерьезно все, потому что республики перестали сотрудничать на практическом и экономическом уровне. Я привел еще много всяких других аргументов и сказал следующее: «Передайте, пожалуйста, Михаилу Сергеевичу [Горбачеву, генеральному секретарю ЦК КПСС в 1985–1991 гг.], что необходимо срочно заниматься новым союзным договором», — это был 1989 год.

Прошло, мне пообещали, прошло 2–3 месяца, и я снова позволил себе обратиться к председателю Совета министров Николаю Ивановичу с тем же вопросом: ну как там ответ, потому что работать невозможно в масштабе всей страны. И ответ был такой: «Вы знаете, Григорий Алексеевич, Михаил Сергеевич очень занят, у него зарубежные поездки, командировки, пленумы, заседания комиссий, политбюро, куча работы». И вот я помню свое ощущение, оно заключалось в том, когда я шел из кабинета по кремлевскому коридору, у меня было ощущение: ну вот и все. Если они, я имел в виду руководителей, не отличают главное от второстепенного, нет… Я уж не знал, что будет, но просто это тогда конец. Просто было понятно, что акцент делается на совсем другом, если уж мы говорим о распаде Союза.

Поэтому тема политического союзного договора к 1991 году была исчерпана. Уже непонятно было, с какого бока, каким образом его делать. И я хотел бы подчеркнуть: в политике всегда очень важен момент. Если момент пропустили, то, наверное, можно сказать, что возврата к тому, что нужно было делать в этот момент, больше нет и попытки эти не приводят ни к какому результату.

И я сразу после этого перейду вот к чему — в 1991 году, обсуждая тему возможного все-таки, как им казалось, политического договора союзного, я имел возможность сказать Михаилу Сергеевичу, что, на мой взгляд, этот вопрос я не готов обсуждать, потому что я не знаю, как делать политический союзный договор в этих условиях, но жизненно важно сделать экономический договор. Если нам удастся

сделать экономический договор, если нам удастся сделать нечто, похожее на экономический союз, мы потом будем иметь предпосылки к возможной интеграции, в том числе, возможно, и политической. Но сейчас самым главным вопросом является экономический союз. Ну, вот это вот еще одна особенность, вытекающая из того решения, которое я уже сказал, — мы уже в совсем других условиях, в другом контексте. Тогда просто было больше нечего делать союзному руководству, и оно приняло решение идти по пути экономического договора, но никого это уже тогда всерьез не интересовало, а это было самое главное.

Тем не менее, 18 октября 1991 года, вот ровно 30 лет тому назад, экономический договор был подписан. Подписан он был главами государств, в том числе Ельциным [Борисом Николаевичем, председателем Верховного совета РСФСР в 1990–1991 гг.], вот этих независимых, которые образовывались. Не всеми, принципиально возражали подписывать этот договор Грузия из-за Гамсахурдии [Звиад Константинович, президент Грузии в 1991–1992 гг.], Азербайджан из-за обиды за Карабах; были сложности с Украиной, однако премьер-министр Украины полностью поддерживал этот договор, это был Фокин [Витольд Павлович]. Прибалты согласились подписать этот договор как наблюдатели. Ну, строго говоря, все остальные подписали, кроме, может быть, Молдовы. На самом деле, если бы политически с этим работать, это было возможно сделать, и если бы Россия, собственно Россия, как вот Ельцин подписал, была в этом заинтересована и понимала смысл, ценность этого решения…

А что же предполагал этот договор? Договор этот предполагал банковский союз, единую валюту в виде рубля. Договор этот предполагал единое таможенное пространство. Договор этот предполагал координацию законодательства. Я готовил этот договор, я его считал ключевым, самым важным, поэтому я вам о нем рассказываю. Там было несколько десятков технических приложений к этому договору, в которых было все проработано. Со мной сотрудничали практически все профессионалы и специалисты во всех республиках, потому что заинтересованность в этом договоре была очевидна, потому что помимо всех демократических мероприятий нужно было кормить людей.

И всем тогда, может, не до конца было понятно, но по крайней мере видно: вот эти все миллионные демонстрации, особенно в Москве, такие гигантские, они чем были вызваны? Иногда рассказывают, что это была такая борьба за демократию, — ну да, она была. Но только чем они были вызваны? — они были вызваны пустыми магазинами, вот и смысл экономики. Поэтому, когда меня спрашивают теперь, а почему тогда на улице были и сторонники Сахарова, и сторонники Солженицына, и националисты, и кого там только ни было, — а потому что пустые магазины были, поэтому все и были на улице. Поэтому надо было решать именно эту проблему, если хотели двигаться дальше. И поэтому сегодня никогда не будут на улице эти люди, потому что магазины полные, но это уже другой разговор, доступно или не доступно — это другая тема, а тогда они были просто пустые, вот в чем было дело.

И вот был этот союзный договор. И что произошло с этим союзным договором? Через 2 месяца или через 1,5 месяца Беловежская пуща все это уничтожила, то самое, что Борис Николаевич подписал. Посмотрите, весь мир шел по пути интеграции, появлялась глобализация, появлялась «мягкая сила», я уж не говорю про Европейский союз, который только начинал экономическую интеграцию, которая состоялась через 10 лет. В СССР были предпосылки, были такие предпосылки, которых не было у Евросоюза. Да, конечно, уровень нашей экономики был совсем другой, качество было совсем другое, но все системные предпосылки были. Да, следующим шагом или главным содержанием этого экономического договора был переход к другой экономике, к рыночной. Да, нужна была малая, подчеркиваю, малая и средняя приватизация для создания среднего класса, а потом уже и большая на базе этого среднего класса.

Все это было, все это можно было обсуждать, все это было предложено, все это было разработано. Но абсолютное невежество в экономических вопросах, тот самый радикализм демократический, если его можно так назвать, абсолютная неготовность номенклатуры ни к чему, это проявилось в том, что… Что показал ГКЧП? ГКЧП показал, что это люди вообще из другого времени, они просто не понимают, что происходит в стране, просто вся страна идет в одну сторону, а эти люди говорят совсем другое, вот что было, когда было ГКЧП.

Но примерно то же самое, только сложнее, показала Беловежская пуща: она показала, что тогда, когда вся экономика Евросоюза, да и мира в основном, по крайней мере развитой его части, идет к глобализации и интеграции, говоря по-простому, Россия применила радикальную дезинтеграцию, просто радикальную, за которую мы теперь Донбассом рассчитываемся, и это еще не конец, а не дай бог, может быть, и начало, самое начало. И это опять было совершенное невежество в экономических вопросах, совершенное нежелание думать об экономике, думать о том, как это работает, куда это ведет.

Обращаю ваше внимание, смотрите. Политик — это человек, на мой взгляд... собственно, я просто повторю то, что говорили и до меня, и без меня, это говорил и Бисмарк, и потом много раз цитировалось... это человек, который должен, как он тогда выразился, слушать шаги Господа, понимать их и соответствовать им, хватаясь за его фалды. Или скажу вам попроще и по-другому: нужно понимать историю и время, момент, момент. Не ты определяешь события, а история и жизнь определяют события, а ты должен просто быть в состоянии понять и реализовать то, что история предлагает. А иначе... А иначе ничего не получится, просто ничего. Кровь может быть, развал может быть, катастрофы могут быть, вранье, ложь, болтовня. Потом думают, что из этого можно выйти авторитарной системой чуть ли не тоталитарного образца; потом думают, что надо только всех пугать, репрессировать... Ничего не выйдет. Нет, кровь-то выйдет, беда выйдет, но так-то вообще ничего не выйдет по-хорошему. Вот об этой истории и времени мне хотелось вам сказать. Я думаю, что это сыграло огромную роль в том, что произошло в нашей стране.

Но теперь я хочу сказать о сегодняшнем дне. Это же все сегодня, мы сегодня это имеем все опять. Сейчас я вам это постараюсь рассказать, как я это вижу. Вы, наверное, все знаете, что осенью прошлого года в Ханое подписано соглашение об азиатском партнерстве. Азиатское партнерство — это 2,2 миллиарда человек, это 38% ВВП мирового. (Ну, как там его считать, другой вопрос, это условная цифра.) Там нет Соединенных Штатов, там есть Китай, Япония и вся Азия. И там нет России, конечно. Что это значит? А это значит, что в середине этого века главным центральным вопросом будет, так скажем,

конкуренция между вот этим азиатским партнерством и североамериканскими Соединенными Штатами и Канадой. Там, конечно, меньше масштабы существенно, но сопоставимые, которые могут конкурировать. Остается вопрос о Европейском союзе.

Так вот мы сейчас находимся просто на грани исторического времени, ну в историческом времени, решения этого вопроса. В каком смысле? Азиатское партнерство настолько гигантское, что если американцы сообразят, то встанет вопрос об американо-европейском экономическом союзе, и вот он-то будет точно противовесом или конкурентом. Это будут два глобальных центра экономической силы где-нибудь к 2050 году. И если это случится, то все, у России места больше нет, на этом будет конец, потому что Россия окажется между молотом и наковальней. Потому что то, что сейчас должна была бы делать Россия, — это всеми способами искать возможность интеграции, союзничества, поиска экономического союза, кооперации с Европой. Российско-европейское объединение могло бы быть третьей вершиной этого треугольника: была бы Северная Америка, азиатское партнерство и европейско-российское объединение или российско-европейское экономическое, а оно могло перерасти потом и в какие-то другие формы. Это естественное поведение, которое соответствует истории и времени сегодня. И мы опять идем в прямо противоположном направлении. Ну и результаты будут примерно такие же, как от распада СССР. И потом опять все будут сидеть, если будет, где проводить конференции, и снова обсуждать, как же такое получилось.

Вот оно потому так и получилось, что нужно не самому выдумывать что-то, а делать то, что диктуют объективные обстоятельства, если можно так выразиться по-марксистски, то, что диктуют история и время.

Распад СССР существен не только исторически, он существен для нашего сегодняшнего, буквально сегодняшнего дня, буквально. Надо извлекать хоть какие-то уроки. Вот я хотел бы подчеркнуть, что никакие уроки не извлекаются, никаких малейших представлений о современности нет. А почему? Ну простая же вещь — потому что если что-то делать вместе с Европой, то встанет один вопрос, что власть должна переизбираться, должна меняться. Она может длиться 10 лет,

но не может длиться 35 лет. Ну вот чтобы этого не было, придумано, как оно там называется, Евразия и всякие другие выдумки, которые на самом деле в реальности не существуют и не будут существовать. И надежды, что с нами будет дружить Китай, они очень наивные, очень наивные, и это видно очень хорошо.

Сначала небольшая преамбула, а потом попытка сделать вывод. Преамбула еще заключается в том, что многие сегодняшние наши обсуждения и разговоры связаны с тем, что наша страна после 1991 года так и не смогла дать общественно-правовую, государственную оценку того, что произошло в России с октября 1917 года, а без этой оценки двигаться вперед невозможно, невозможно. И пока она не произойдет, пока общество в целом и государство не даст оценку, будут все время попытки сталинского постмодерна, какого-то необольшевизма. Это опасные штуки, но они обязательно будут, потому что нет оценок, ни общество, ни государство не дало юридико-правовую и общественно-политическую оценку тому, что было. Это не вопрос кого-то наказывать, это не вопрос искать виноватых, это вопрос оценить, как есть: были методы ведения политической жизни неприемлемые и невозможные, или возможные, или так, как-то это нужно делать. Это первое, это такая преамбула.

Урок такой: только тогда, когда понимают время и историю, только тогда можно ожидать результатов и успехов. И ответственность тех, кто принимает решения, думать не о номенклатуре, не о бюрократии, не о своем каком-то положении, не выдумывать всякие фантазии, а слушать, что диктует время и о чем говорит история. И иметь собственную программу того, как нужно делать, а не просить программу в Вашингтоне, в Пекине или еще где-то, потому что Россия — это другое.

Руслан Гринберг — Спасибо, Григорий Алексеевич! Я думаю, что очень много разных пунктов вы отметили, которые могут быть оспорены, могут быть приняты. Но самое главное, я полностью согласен с вами, что есть какой-то дух времени, который надо чувствовать, для того чтобы проводить адекватную политику.

Григорий Явлинский о Беловежских соглашениях

6 декабря 2021 г., Youtube-канал Григория Явлинского

Григорий Явлинский — Я был на работе, работал я тогда заместителем председателя правительства СССР, которое тогда называлось Комитет по управлению народным хозяйством СССР. И я узнал, что в Беловежье подписали вот такое решение.

Александр Гнездилов — Что вы тогда почувствовали?

Григорий Явлинский — Ну, поскольку это соглашение было перпендикулярно всему, что я считал правильным, я почувствовал очень глубокое огорчение, разочарование и понял, что на этом союзное правительство завершает свою работу и впереди очень непростые времена. Через неделю после этого я покинул свой кабинет и ушел из правительства.

Александр Гнездилов — Почему тогда практически никто не защищал Советский Союз?

Григорий Явлинский — Там не совсем так. Там протест в этом смысле был, но очень незначительный, в этом отношении вы правы, очень незначительный. Связано это было с тем, что это был такой общий вектор настроений. И, как вы знаете, Верховный Совет РСФСР согласился с этим, с тем, что было подписано, с этим соглашением, и коммунисты абсолютным большинством это проголосовали. Это уже позже они все раскаивались, а там-то они все это поддержали. Там всего несколько человек проголосовало против на весь Верховный Совет.

Александр Гнездилов — А почему такие настроения, прямо вот так?

Григорий Явлинский — На самом деле... Вы знаете, если говорить в конечном счете по существу, то я думаю, что дело было связано с тем, что были пустые магазины. Вот эти огромные массы людей, которые выходили в поддержку реформ и в поддержку Верховного Совета РСФСР и Бориса Николаевича Ельцина, в числе которых, как сейчас журналисты говорят, были и сторонники Сахарова, и сторонники Солженицына, и националисты, и кого там только ни было, то есть там были почти все или даже все. Причиной, основой этих событий были пустые магазины и абсолютно беспросветная перспектива. То есть экономическая, социально-экономическая ситуация была настолько удручающей... Нет, голода не было, никакой разрухи такой не было, но просто и перспективы никто ничего не видел, все можно было купить только из-под полы совсем по другим ценам, и многие действительно нуждались. Это же был Советский Союз, то есть все оказались в одинаковом положении, поэтому сотни тысяч, если не миллионы, выходили на улицу. Ну и когда вот эта система...

Александр Гнездилов — В поддержку перемен?

Григорий Явлинский — Да. Когда вот эта система прекратила свое существование, для всех это было непонятно, что дальше, ну то есть что тут сберегать? Что сберегать-то, если пустые магазины, если нет перспективы, если непонятно, куда это движется, если это вранье... А это был один из главных протестных двигателей, то, что государство лгало все время, и Коммунистическая партия все время лгала, и это была ложь, очень сильно расходилась реальность и то, что говорили. И вот в этих условиях люди... Людям это было очень неприятно. Здесь была какая-то правда, какая-то реальность. Кроме того, было всеобщее, всеобщее поклонение как бы другому лидеру, другому вождю, Борису Николаевичу, вот. Была невероятная критика самого Горбачева.

Но и очень важно: все советское руководство вот этим ГКЧП, которое было за несколько месяцев до этого, в августе, оно себя дискредитировало полностью, оно показало полное свое непонимание того, что происходит, ну вообще. У них не было никакой поддержки,

они действовали в прямо противоположном направлении, нежели все были общественные настроения. И тем самым они показали полный кризис советского руководства, то есть они своим ГКЧП продемонстрировали, что в самом руководстве никто ничего не понимает: не понимает, куда идет страна, не понимает, какие настроения, не понимает, что с этим делать, не понимает перспектив.

А, наоборот, со стороны Бориса Ельцина и окружавших его демократов все говорили очень просто: зачем нам вот эта система? — мы сейчас построим такую систему, как в Европе, и все, и будем жить нормально. Мы богатая страна, у нас хорошо образованные люди, мы будем жить как большая европейская страна и все. И к тому времени уже занавес-то приподнят был и многие люди видели, как живет Финляндия, многие побывали там где-то, во Франции, может, в Германии, ну, не так уж массово, но все же. Потом телевизор все время это показывал. Ну вот поэтому люди с этим согласились и все, хорошо, сказали они, мы вам поверим, давайте, сделайте хорошую страну, давайте, а мы потерпим и поможем.

Вообще в своем большинстве люди поверили в будущее. Ну, в общем, в каком-то смысле так оно и должно быть. Ведь люди чем заняты? Они заняты детьми, работой, повседневной жизнью, она была очень непростая, а политику и будущее они доверяли тем, кто должен этим заниматься, политикам, надеялись на них и поэтому просто им поверили. КПСС они не верили, Горбачеву как генеральному секретарю КПСС, да как и человеку, который обещал реформы, а получились пустые магазины, тоже не верили. А Борис Николаевич осуществлял, олицетворял, вернее, не знаю, что он осуществлял, но олицетворял он надежду. Вот на эту надежду люди и...

Александр Гнездилов — Чем тогда руководствовались в Беловежье, на ваш взгляд, Ельцин, Кравчук и Шушкевич? Они стремились к личной власти, к тому, чтобы избавиться от Горбачева и от союзного руководства, стать руководителями независимых государств, или тут было что-то еще?

Григорий Явлинский — Нет-нет, примерно так. Они, во-первых, искали способ ликвидировать союзный центр, а в окружении Бориса Николаевича представление о ликвидации союзного центра

выглядело так: для того чтобы ликвидировать союзный центр, нужно ликвидировать КПСС и КГБ. Не будет КПСС и КГБ, все, не будет союзного центра. Союзный центр — это КПСС и КГБ, больше ничего, все остальное — республики. То есть первый шаг был ликвидация союзного центра, а второй — национализм: каждая республика, Украина, Беларусь в данном случае, ну Россия, как бы провозглашали сами себя. Ну еще это было связано с Прибалтикой, со всеми общими настроениями, вот с такого рода. Но самое главное было подписание вот этими тремя лидерами плюс Назарбаев, который через некоторое время от безвыходности присоединился к этому, да и все, как я понимаю. Это и было смыслом того, что они сделали. Правда, я думаю, что это было сделано в некоторой такой эйфории, но это уже подробности, я там не присутствовал, ничего общего с ними не имел, поэтому ничего толком сказать не могу. Но впечатление было такое, что они были в каком-то состоянии эйфории.

Александр Гнездилов — Какой была реакция на Беловежские соглашения, на распад Советского Союза со стороны Запада, прежде всего США? Они радовались этому, или это их, наоборот, тревожило из-за статуса ядерного оружия? Известно, сколько потом предпринималось усилий, чтобы вывезти ядерное оружие из бывших союзных республик, передать России и т. д.

Григорий Явлинский — Ну а что, Буш сказал прямо, прямо ответил на ваш вопрос. Он сказал, что да, может быть хаос и могут быть большие проблемы, но в целом это соответствует интересам Соединенных Штатов. Я думаю, что это и есть ответ на этот вопрос.

Александр Гнездилов — Давайте теперь обратимся к тем месяцам, которые предшествовали подписанию Беловежских соглашений, периоду с августа по декабрь, когда вы в качестве зампреда союзного правительства занимались разработкой нового союзного договора об экономическом союзе. Расскажите, пожалуйста, о том, что предполагалось этим договором, кто поддерживал его подписание, кто участвовал в этой работе, кто уже тогда противостоял этому, какой была позиция Ельцина. Потому что я посмотрел одно из интервью Бориса Николаевича, по-моему, ноября 1991 года, где его об этом спрашивали, и он отвечал очень уклончиво, но по

крайней мере он ни словом против нового союзного договора не возражал.

Григорий Явлинский — Давайте разделим на две темы. Существует, существовала тогда тема нового союзного договора как политического договора, это очень важная и отдельная тема, и существовал договор об экономическом сообществе. Вот поговорим сначала о политическом договоре, а потом об экономическом.

Впервые о необходимости обновления союзного договора я говорил с Николаем Ивановичем Рыжковым и Леонидом Ивановичем Абалкиным, а Николай Иванович Рыжков был тогда председателем правительства СССР, а Леонид Иванович Абалкин был его первым заместителем, а я работал заведующим сводным экономическим отделом Комиссии по реформе Совета министров СССР, в 1989 году. Связано это было с тем, что, поскольку у меня был сводный отдел, мне надо было работать со всеми республиками, с Госпланом СССР, и я столкнулся с ситуацией, что чем дальше идет демократизация, тем сложнее с ними работать, они не хотят сотрудничать.

Я начал прорабатывать эту тему, и очень быстро на всех совещаниях, а я много ездил по стране и они приезжали ко мне, звучала тема: ну договор 1922 года, ну не то. Это договор, созданный на основе Красной армии, на основе гражданской войны, под большевиков. Ну давайте по-другому как-то договоримся, как современно, с учетом того, что мы тоже имеем право голоса. И в какой-то момент я просто фактически увидел, что дальше продолжать работу без нового политического решения о союзе на новых основаниях, на каких-то других, на более свободных, на демократических, на современных к тому времени, просто продолжать работать невозможно.

И я тогда однажды, это осень была, начало осени 1989 года, в беседе своей, ну это как беседа, это не беседа, это доклад у меня был председателю правительства по одному из вопросов, я говорю: «Николай Иванович, я бы, разрешите обратиться с дополнительным вопросом, я хотел бы попросить вас сказать Михаилу Сергеевичу (а он был тогда генеральный секретарь, он еще не был президентом), что есть такая тема, заключение нового союзного договора». Это было неожиданно для Рыжкова и для Абалкина, и я объяснил поче-

му. Ну вот я на цифрах, на фактах, на докладных показал все это, я готовился, ну а суть была вот та, что я только что вам рассказал, что дальше невозможно двигаться, нужен новый политический союз. И я говорю: я обсуждал со многими своими партнерами, уровень у меня был председателей правительства республик, не первых секретарей ЦК, а руководителей совета министров, я с ними работал, они все этого хотят, эта тема готова, только надо ее сделать, и это заложит новые основания, и мы будем тогда двигаться вперед. Для них это было неожиданно, но они приняли, и на этом разговор закончился.

Прошло два-три месяца, не помню сколько, по-моему, в ноябре или в декабре 1989 года я позволил себе напомнить, в очередной раз я что-то докладывал премьер-министру и говорю: «Николай Иванович, вот вы не забыли, состоялся разговор про новый договор? Потому что ситуация-то ухудшается, я работать не могу. И кстати, должен сказать вам, Николай Иванович, что все, что говорит Юрий Дмитриевич Маслюков (Госплан), это же все высосано из пальца, уже никто свести союзный план не может, потому что нет сотрудничества с республиками». И вот Николай Иванович ответил мне, он сказал: «Понимаете, Григорий Алексеевич, Михаил Сергеевич очень занят, у него делегации, поездки, командировки, весь мир к нам ездит, все встречаются, а потом секретариаты, политбюро, заседания, нужно готовить то и это. Он очень-очень занят». И вот я помню это ощущение свое очень хорошо: я вышел из его кабинета, иду по коридору в Кремле и думаю, ну вот если на таком уровне нет понимания, что важно, что не важно, что первично, что вторично, что главное, что второстепенное, нас ждут большие проблемы, просто очень большие проблемы.

К 1991 году, о котором вы меня спрашиваете, эта тема стала неактуальной, тема политического договора ушла. И договор, который хотели подписать, союзный политический договор, в августе, — это был договор уже о конфедерации, уже было все совсем другое, уже... Вообще я не уверен, что это было работоспособно. Поэтому, когда в 1991 году весной, в 1990-м осенью, со мной Горбачев заговорил в 1991 году про этот договор, я сказал: «Михаил Сергеевич, я ничего вам про это сказать не могу, потому что здесь я не вижу, я не зани-

маюсь этим вопросом и не вижу в нем сейчас никакого содержания. А вот что надо сделать, это нужно сделать экономический договор, сохранить единое экономическое пространство, реформировать экономику вместе. Это будет огромный эффект».

А про себя я думал, что если мы сделаем экономический договор об экономическом сообществе, то у него будет и политическая перспектива позже, если будет эффективно работать эта экономика, то позже можно будет вернуться к теме к этой в той или иной правильной форме. Тем более что именно в этом направлении шел Евросоюз, но он только начинал, а у нас-то предпосылки для экономического договора были гораздо более созревшие, чем в Евросоюзе, потому что у Советского Союза была единая экономика, было понимание, было знание, все друг с другом работали, ну, в общем, слов нет. И поэтому я считал своей самой главной задачей уже в 1990 году готовить экономический договор, и я его и готовил.

И когда меня назначили заместителем председателя правительства, помимо текущей работы, а это было по 10–12 часов в сутки, остальное время сколько мог я и мои товарищи, мы все, все, кто работал в Совете министров СССР, мы работали с этим экономическим договором. И мы его сделали, и у него было несколько десятков предложений, где конкретно были прописаны все методики, как и что нужно делать. Что он предполагал? В частности, он предполагал банковский союз, единую валюту, рубль был бы единой валютой для всех, единое таможенное пространство, единое пространство, сопоставимое налоговое, много чего. Общее примерное законодательство, связанное с приватизацией, с конкуренцией, с демонополизацией. Все то, что нужно было делать, все вот это было прописано с тем, чтобы реформа коснулась всех основных субъектов и чтобы мы перешли к большой экономике рыночной, весь этот переход. То есть это была часть той самой программы, о которой вы меня спросили, программы «500 дней», очень важная, очень, фундаментальная.

Работа над этим договором была очень интересной, потому что все его поддерживали, просто все, потому что все понимали, что жить же надо, надо же что-то делать. Были несколько принципиальных противников: это был Азербайджан, который был обижен за то,

что Россия поддержала Армению в Карабахском конфликте, и это была Грузия, там был Гамсахурдия, это было такое отдельное направление. Остальные, даже прибалты, были готовы подписать его как наблюдатели, потому что понимали, что это надо. Ключевой вопрос, конечно, касался Украины. В Украине были разные точки зрения, но председатель правительства Фокин поддерживал этот договор. И вот такой документ был создан, и 18 октября 1991 года он был подписан в Кремле не всеми восемью республиками, в частности Борисом Николаевичем Ельциным. Позже к нему присоединилась Украина в виде Фокина, ну то есть он имел неплохие перспективы.

Но Беловежская пуща пошла по пути радикальной дезинтеграции, то есть она была категорически в другую сторону. Ну и вопрос этот просто был закрыт. То есть, конечно, говорили: «Да мы это сохраним», но все было понятно, что ничего этого не будет. Все кооперационные связи были разорваны, все пошли по своему пути, МВФ всем начал проектировать свои валюты, появились собственные валюты, дезинтеграция была просто на марше. И этот момент очень существенный, суть его в следующем. В то время, когда мир шел по пути глобализации, в то время, когда Европа шла в направлении создания общего рынка, создания Евросоюза, при этом они к единой валюте пришли только через 10 лет, Россия пошла по пути категорической дезинтеграции.

Вот я хотел бы обратить ваше внимание: политика так устроена, что если ты пропускаешь момент, время, в котором есть историческое содержание этого периода, то потом ситуация может оказаться необратимой, вот просто необратимой и все. Поэтому политик — это человек, который должен не свое выдумывать, а он должен просто понимать смысл истории и времени. Об этом еще сказали давно-давно, это Бисмарк сказал, что задача политика — слушать шаги Господа, слышать, когда он проходит мимо, и хватать его за фалды, ну как-то примерно так. Вот я увидел это своими глазами. Вот пропустили в конце 1980-х годов момент, когда можно было сделать обновленный союз, и все. Потом обманули всех с этим экономическим договором, вроде подписали и через 2 месяца его разрушили, и все, и уже вернуться к этому по-настоящему невозможно. Ни нынешний Таможенный союз, ни нынешний ЕврАзЭс, что-то такое, — все это

пустое по сравнению с тем, что можно было тогда сделать. И вот это понимание момента и есть самая главная вещь.

Я не знаю, стоит ли сейчас об этом говорить, но я хотел бы просто поделиться с вами одной мыслью. Вот если бы после войны с Наполеоном, да, в 1814 году, в 1815-м, в 1816-м Россия отказалась бы от крепостного права, я думаю, не было бы революции 1917 года, потому что не было бы декабристов в той форме, в которой они были, не было бы народовольцев, не было бы цареубийц, и много чего бы не было, по-другому бы все пошло. Опоздали, не сделали, не решился государь на это. Сделали через 45 лет, а поздно, уже было поздно, и это все равно привело к революции, к перевороту, даже так точнее сказать. Вот так. Вот смысл моего разговора с вами именно в том, чтобы сказать вот именно об этом.

Сейчас страдать по поводу того, что было, или искать виноватых — ну это не моя задача. А вот сказать о том, что нельзя ошибиться со временем, с содержанием истории, с моментом, и политик только для этого и нужен, чтобы слышать, что происходит, понимать, что происходит, и принимать решения, соответствующие времени, тогда это то, что надо, и тогда у страны есть перспектива, и тогда у людей есть будущее.

Александр Гнездилов — Как выглядела бы страна в случае, если бы этот договор экономический, который был в октябре подписан, был реализован?

Григорий Явлинский — Ну это была бы большая экономика, не было бы такого спада, не было бы такой, я думаю, не было бы гиперинфляции. Но там был второй вопрос, там помимо договора вот этого экономического был второй вопрос, там был вопрос о том, что собираются делать в экономике. У меня же было два разговора на эту тему, первый был с Борисом Николаевичем, когда мы с ним, это был октябрь, когда мы с ним еще обсуждали, он меня пригласил и мы с ним обсуждали, что надо делать. И я говорил, что нужно сделать экономический договор, вот надо вместе всем делать. Он сказал: «Нет, Россия пойдет одна». Я сказал: «Ну тогда нужно быть готовым к тому, что будет очень глубокий спад». И кстати, в 1994 году спад ВВП был 38% — представляете, что это такое?

И второй вопрос был не менее ключевой — это вопрос почти полного снятия контроля за ценами в экономике, которая полностью, на 100% состояла из государственных предприятий и монополий. Это тогда называли либерализацией цен, хотя на самом деле это была либерализация монополий, это их освободили от контроля, не цены, а их. Но это привело к гиперинфляции, цены выросли за год в 26 раз. Инфляция в декабре 1992 года, к 1991-му, за год, составила 2600%, все-таки в декабре 1991 года она была 12%, а через год — 2600%. А что это такое было? Это была конфискация, 2600% — это конфискация. Ну вот я пытался сказать Борису Николаевичу, что неужели вы будете освобождать цены в один день? Он мне ответил: «Нам некогда ждать, мы не можем ждать».

Вот эти два события очень сильно изменили, они были ключевым вопросом поворота, и этот поворот повел страну в другую сторону. После такой гиперинфляции приватизацию было как проводить, ну как, когда деньги уничтожены? Или надо было пустить иностранцев, чтобы они все раскупили? Этого не сделали, и это было правильно. И если не так, тогда что сделать? — да просто раздать эту собственность под видом приватизации, ну так и сделали, и получили фундамент мафиозного государства, когда собственность соединилась с властью и бизнес, соответственно, соединился с властью. А это снимает с повестки дня независимый суд, независимые СМИ, потому что на такой базе все от этого... независимый парламент... все от этого отталкиваются, потому что боятся раскрытия вот этого механизма. Ну и, собственно, все, вот мы получили то, что имеем, если сказать о фундаменте, то, что мы имеем на сегодняшний день.

Поэтому, если бы был экономический договор, были бы санкции сделать по-другому, тогда надо было бы более глубоко и серьезно обсуждать тему приватизации, потому что тема приватизации предполагала реализацию государственной собственности за накопления, которые были у населения, то есть это малая и средняя приватизация. Появлялся бы средний класс, потом второй шаг, было бы уже то, что связано с крупными предприятиями, появились бы акционеры у крупных предприятий, ну и т. д. Короче, это совсем другое было бы направление.

Но, как теперь пишут в мемуарах, на вопрос о том, какую выбирать стратегию, ответ был такой: кредиты, нужны кредиты. Ну а если кредиты, то должна быть… Кто собирался давать кредиты? — Международный валютный фонд. А за что? — а за ту программу, которую они предлагали, вот они эту программу и предлагали. Почему? Потому что они просто не понимали содержание российской экономики. Российскую экономику, советскую, надо было реформировать с пониманием, что она собой представляет. У них никакого близко понимания не было. У них были представления о Латинской Америке и Африке, они и предложили такие схемы. И эти схемы привели к тому, что были очень тяжелые 1990-е годы.

Александр Гнездилов — Если теперь от осени 1991 года отмотать еще немного назад, как я понимаю, путч ГКЧП 19 августа сорвал подписание договора о союзе суверенных государств, это плод так называемого новоогаревского процесса. Как вы его оцениваете? Это вот та самая запоздалая попытка политического договора?

Григорий Явлинский — Да, это был политический договор поздний. Это уже была конфедерация, которая непонятно, как в ней работать. То есть, если говорить серьезно, я уже в нем не видел содержания, я его просто… Я не был компетентен в этом, я не занимался. Я же сказал Горбачеву: я не буду этим заниматься. Момент упущен, просто момент упущен.

Александр Гнездилов — Вы сами весной, в начале лета работали над программой, которая называлась «Согласие на шанс». Что она предполагала? Кто и на какой шанс должен был согласиться?

Григорий Явлинский — «Согласие на шанс» — это была программа вот какого рода. Программа «500 дней» была принята Верховным Советом России и отвергнута Верховным Советом СССР в 1990 году. В августе, в конце августа 1990 года Верховный Совет СССР отверг эту программу, а в сентябре 1990 года, того же года, Верховный Совет РСФСР принял эту программу. Эта программа касалась всего Советского Союза, она показывала, что надо делать в течение полутора лет. Иногда мне приходится сталкиваться с мнением, которое у меня вызывает улыбку, что «вот вы хотели за 500 дней все переделать», — да нет, я просто хотел рассказать, что надо делать в ближайшие 1,5

года, просто что надо делать. А потом нужно было бы делать новую программу. Но я считал, что нужно действовать разумно, организованно, синхронно по всей стране, чтобы не было взрыва бедности, преступности, инфляции и т. д., гиперинфляции. Частью этой программы был вот, собственно, вот этот экономический договор. Вот мы, собственно, так вот и шли вперед.

И там был такой эпизод, когда я был приглашен на большое-большое международное совещание, где я докладывал всю эту программу, я и мои товарищи, которые ею занимались. И это было важное дело, я впервые столкнулся с такой аудиторией, там были все крупнейшие в мире на тот момент экономисты. И итог подвел Янош Корнаи, который был самым крупным специалистом, он венгр, в области реформ Восточной Европы. Он сказал, что это, пожалуй, одна из лучших или лучшая программа Восточной Европы из всех. И мне тогда задавали вопрос: «Скажите, а почему у вас здесь не прописаны никакие кредиты? Почему вы не просите кредиты у МВФ на поддержку? Вот объясните нам». Причем это спрашивали в кулуарах, так смущаясь, потому что понимали, что такая программа, если там нет кредитов, значит, мы делаем то, что находим нужным, да и все, мы ни перед кем не обязаны отчитываться. А я так и считал, что мы можем все сделать сами, ну просто можем, и всё.

Прошел год, и наше положение экономическое резко ухудшилось, и уже нам нужны были бы кредиты. И вот программа «Согласие на шанс» — это была программа та же, но с учетом того, чтобы люди не впали в дикую бедность, как потом это случилось, чтобы не было нищеты, чтобы не было вот этого дикого падения. И там были разработаны правила, приемы и формулы, которые требовали финансовой поддержки. В основном это все касалось социальной сферы, как поддержать людей, как сохранить покупательский спрос, как сбалансировать спрос и предложение. Шанс заключался вот именно в этом: если начинать реформы, то шанс есть.

Что с этим произошло? Эта программа, вот такая уже, международная, была разработана, представлена Горбачеву и Борису Ельцину. Ельцин к тому времени уже избрался президентом, а Горбачев собирался ехать впервые на «семерку», вот «семерка» его пригласила

в Лондон. И смысл моей работы заключался в том, чтобы он поехал туда с этой программой, тогда был бы предмет обсуждения, чтобы людям помочь, людей поддержать. И там были даны предложения, как это сделать, как сделать так, чтобы наши люди не упали на дно, чтобы не было той бедности, которая потом случилась.

И что тогда сделали? Тогда сказали, что нужно переделать эту программу, пригласили академиков, и Павлова, премьер-министра, и других потом деятелей ГКЧП, и они исказили эту программу до невозможности, как потом выразился Борис Ельцин, скрестили ужа и ежа. И с этим он поехал. Он очень настойчиво требовал, чтобы я поехал с ним, я отказался, потому что я знал, что эта программа уже не моя, она уже к делу не имеет отношения. Он поехал уже с другой программой, интереса она не вызвала, поскольку это была эклектичная штука, бессмысленная, в общем-то, и все, вернулся, и произошел ГКЧП. Ему ничего не дали, ничего не пообещали, никакого разговора о совместной работе над реформами не получилось, и он вернулся в этом смысле просто с пустыми руками. Ну и вот таким образом «Согласие на шанс» потеряло смысл.

Александр Гнездилов — А какие переговоры о «Согласии на шанс» вели в США вы и Евгений Примаков? И в чем там ваши позиции с Примаковым разошлись?

Григорий Явлинский — Суть там была в следующем. Примаков приехал для того, чтобы сказать президенту Соединенных Штатов, что Явлинский работает на Ельцина, не слушайте его и не имейте с ним дела. Вот для этого он и приехал, вот. Ну и там была неприятная история, однако в итоге встреча с президентом была не только Примакова, но и моя, потому что они хорошо знали, что я работаю, вот. Ну и Примаков приехал с представлениями такими, как потом реализовали ГКЧП. Я его предупреждал об этом, после ГКЧП он сказал: «Вы были правы, я вас не понимал».

Александр Гнездилов — Правильно ли я понимаю, что «Согласие на шанс» было чем-то вроде плана Маршалла для Советского Союза?

Григорий Явлинский — Да, собственно, это была отправная точка. Потому что моя идея была в том, что мир может поддержать, ав-

торитет у России и у вот этого Советского Союза весны 1991 года, осени 1990-го, весны 1991 года, был настолько в мире высок, и люди, я имею в виду народы, просто относились с таким интересом и с такими симпатиями, ну в основном, что Россия могла заставить кого угодно делать что угодно, если бы она делала какие-то разумные реформы свои. То есть была возможность заставить делать тот план, который бы мы сделали и мы считали бы правильным.

Вообще я должен сказать вам, что когда говорят о безопасности, а это важная тема, то я бы сказал так: безопасность начинается с понимания своих интересов. Страна, которая понимает свои национальные интересы, наполовину, считайте, решила тему безопасности. Безопасность не решается только силовыми структурами. В Советском Союзе была вторая по мощности армия мира, опытная после Афганистана, отмобилизованная, с ядерным оружием, да вообще, а он развалился. Поэтому не в этом дело — надо понимать свои национальные интересы, и это самое главное. А для этого, еще раз вернемся, надо понимать существо исторического процесса на данный момент и в обозримом будущем, через 20, 30, 40, 50 лет. Надо видеть, куда все это движется, куда все это идет. Вот и сейчас этот момент чрезвычайно важен.

Александр Гнездилов — Мартовский референдум о сохранении Союза. Как вообще получилось, что вопрос о сохранении страны оказался вынесен на референдум? Кто его инициировал?

Григорий Явлинский — Горбачев, потому что он же знал об этих сепаратистских настроениях, вот. Ну и он хотел подкрепить свою позицию референдумом. Он ее подкрепил референдумом, но из этого ничего не получилось. Кстати, в 1993 году тоже был референдум, и тоже ответ был неоднозначный, и опять тоже ничего из этого не получилось, закончилось историей с Белым домом, с расстрелом...

Поэтому тут вопрос вот в чем: референдумы надо проводить тогда, когда нужно подвести основу к решению, в котором у элит есть согласие. Если пользоваться референдумом как инструментом выяснения, кто прав, это приведет просто к ужасным последствиям. Сначала нужно достичь какого-то согласия. Ну, например, референдумы проводились в европейских странах по поводу вступления в Евросо-

юз. Ну так там было консолидированное мнение, что это надо делать, вопрос лишь стоял, как туда идти, вот это другое дело. А если вопрос стоит, быть этой стране или не быть, и одна часть элиты считает, что ее не надо сохранять, а другая считает, что надо, это референдум, который никогда не приведет ни к чему полезному. Ну вот это особенности темы референдумов как таковых.

В принципе, как правило, это должен быть референдум по вопросу, когда в элитах есть взаимопонимание, согласие, и это решается базовая проблема, народ согласен или не согласен, но с тем, что согласен... Если элиты не получают поддержки, тогда просто они начинают разрабатывать какое-то другое направление; если получают, то они начинают реализовывать. Как реализовывать, это уже следующий вопрос, и он не решается референдумами, потому что люди этого не могут знать как. Они могут знать, что они хотят, но как это сделать, должны знать профессионалы.

Александр Гнездилов — Откуда вообще появились эти сепаратистские настроения? И каким образом они стали проявлять себя в публичном поле? Потому что, ну вот как я себе представляю Советский Союз, году еще в 1987–1988-м было невозможно представить себе, чтобы кто-то публично стал ставить вопрос о выходе из Советского Союза, а уже в 1991 году это становится таким неким поветрием.

Григорий Явлинский — Это была форма борьбы за власть. Кроме того, это была форма реализации национализма регионального. Кроме того, это была попытка создать какую-то новую реальность, вот это смесь этого всего. И там были очень разные составные части: одно дело Беларусь, например, другое дело Украина, третье дело балтийские государства, республики. То есть там нужен был уже в это время, уже после 1990 года, должен был быть совсем дифференцированный подход. А я искал общее, вот общее, и общим я считал экономический договор, экономический союз на тот момент. Мы старались это сделать, вот.

Ну а кроме того, это такая особенность советской интеллигенции была, вот у нас советская интеллигенция увлеклась этим. Она вообще любит увлекаться тем, чего не понимает. Я сам к ней принадлежу

и сам имею большие проблемы с этим, вот. Но я вынужден честно признать проблему, проблема в том, что, будучи хорошими врачами, писателями, танцорами, поэтами и певцами, сути дела-то они не понимают, но думают, что во всем прекрасно разбираются, и всех учат, и поэтому все время делают какие-то серьезные промахи и ошибки. Вот это один из этих примеров.

Недавно один умный человек, который прошел рядом весь этот период, сказал: «Радикализм, радикализм — это была самая главная ошибка», — и я с ним согласен.

Александр Гнездилов — Распад СССР — это величайшая геополитическая катастрофа XX века?

Григорий Явлинский — Ну, я так не считаю. Я не согласен с этой формулировкой Владимира Путина. Это... Для меня это болезненная вещь. Я считал себя гражданином СССР, у меня никогда не было ничего подобного в голове. Из-за этого я, кстати, был отвергнут так называемыми «молодыми реформаторами», которые ужасно хлопали в ладошки, когда все это происходило, и были страстными энтузиастами вот этого всего. Собственно, наши пути разошлись уже тогда, и, если говорить откровенно, они до сих пор примерно так же расходятся. Я больше думал о том, что же надо сделать. Я предполагал и думал о том, какие надо принимать решения. Я полагал, что, видимо, та экономика, которая соответствовала Советскому Союзу, больше не работоспособна, и я просто думал, что ладно, значит, будет не такая экономика, будет другая, и я думал над тем, как сделать ту другую, раз уж так вот оно, мы идем сюда, значит, мы сделаем другую. А в начале 1980-х годов мне стало понятно, что та экономика, которая существует в СССР, она неработоспособна, просто неработоспособна и не будет работоспособна. На этом получился мой конфликт с системой. И скажу откровенно, я в политическом смысле не рассуждал об этом, я рассуждал только в экономическом.

Александр Гнездилов — Почему СНГ к середине 2000-х годов полностью выдохся как интеграционный формат, созданный тогда же, в декабре 1991 года, вроде как замена СССР?

Григорий Явлинский — А потому что это симулякр, это не реальная вещь, это так просто, разговоры, изображение того, что это су-

ществует, а его на самом деле нет. Ну есть таможенное там соглашение, и то оно нарушается постоянно, вот. Никто в него не верит, его изображают, но на самом деле, как мне кажется, там, как я вижу, там ничего это не работает, ничего... Ну, вон, ближайшие отношения, скажем, между Россией и Белоруссией, и то постоянные конфликты, разборки. Ничего там такого нет. И с Казахстаном то же самое. Это бессмысленное в реальности практически дело. Название есть, там кто-то зарплаты получает, но никто всерьез этим не занимается. Да и это сейчас не получается. Это вот опять же к той теме, пропущенный момент больше не повторяется. Если опоздал, все. Опоздали.

Александр Гнездилов — Есть ли вероятность, что сегодня или в ближайшее время Россия присоединит к себе часть бывших республик Советского Союза?

Григорий Явлинский — Ну вы же видите, сейчас непрерывный конфликт идет. А потом, я что-то несильно вижу людей, которые хотят жить в России. На мой взгляд, Россия должна быть страной, куда все хотят приехать, а на сегодняшний день что-то все хотят уехать. Вот вам и ответ. Как же вы присоедините? Куда вы присоедините? К этим репрессиям? К разгону «Мемориала»? К объявлениям всех экстремистами? К этой бесконечной разборке? Куда вы, кого вы зовете? Никто не захочет в этом участвовать. Никто не захочет жить в стране, где нет свободы слова. Никто не захочет жить в стране, в которой нет свободных, независимых, влиятельных политически средств массовой информации. Никто не захочет жить в стране, в которой разговоры идут только о том, что там какой-то запредельный уровень коррупции. Никто не захочет жить в стране, которая не сегодня завтра всем объявляет войну, кому только может, спасает какого-то диктатора в Сирии, угрожает войной ближайшему соседу Украине бесконечно. Ну кто, кому это надо? Кому это интересно? Никто не хочет в этом жить. Никто не хочет в это ввязываться. Поэтому я что-то таких движений или интересов не вижу, к сожалению.

Александр Гнездилов — А есть ли вероятность, что Россия, Российская Федерация повторит судьбу Советского Союза? Потому что есть же политики, которые говорят, что России нужно национальное

государство на основе исконно русских территорий и т. д., которые предлагают отделить Кавказ, говорят, хватит его кормить, и т. д.

Григорий Явлинский — Я так скажу. Я не хочу такой сценарий даже обсуждать, это первое. Второе: я хотел бы сохранить Россию в границах 2012 года.

В-третьих, я вновь вижу вот какую проблему, именно вновь. В прошлом году в ноябре был создан гигантский экономический союз, или объединение, или партнерство, подписанное в ноябре прошлого года в Ханое Азиатское партнерство. Вот чтобы вы представляли, там 2,2 миллиарда человек, там примерно 38% мирового ВВП, это просто гигантский центр. Там соглашение о свободной торговле, гигантское экономическое, такого мирового масштаба объединение. Естественно, конкурентом его является Северная Америка, США и Канада. Ну они, конечно, меньше по всем параметрам, особенно по населению, да и по ВВП они существенно уступают даже вместе. А третий центр экономической силы на сегодняшний день — это Европа.

Значит, вопрос, на мой взгляд, сегодня стоит так: если возникнет идея американо-европейского союза, то Россия окажется между молотом и наковальней — будет американо-европейский союз и азиатский союз, в который Россия никак не входит. И тогда Россия окажется в очень трудном положении. По существу, это будет такое среднее положение, посередине между Китаем, Японией, ну и всей Азией, и Европой и Северной Америкой. Это для нас через 20–30 лет будет гигантской проблемой, гигантской.

Вот сейчас такой момент, когда нужно было бы делать прямо все наоборот. Нужно было бы не собачиться с Европой по каждому поводу, не придумывать, что мы отдельная цивилизация, не выдумывать, что мы должны окуклиться, не пытаться прилепиться к Китаю, которому мы совершенно не интересны и у которого есть серьезные к нам претензии территориальные, ну такие исторические, а понимать будущее, понимать стратегию. Не исходить из того, насколько нынешний президент России дружит с тем или иным политическим лидером сегодняшней Европы, а видеть перспективу, понимать, в чем национальные интересы России как государства через 10, 20, 30 лет.

И тогда это совсем другой разговор, тогда нужно российско-европейское экономическое объединение, которое потом может перерасти и в политическое. Нужно просто отдавать себе отчет в этом и понимать. И тогда, тогда будет три центра экономической мощи: Азия, Северная Америка и Европа. Вот это будет то российское будущее, в котором Россия может играть колоссальную роль, колоссальную роль, в этом случае она может играть роль. А в том случае, если она будет просто от всех отбрыкиваться, отделяться и главная проблема, как договориться с таким странным человеком, как Лукашенко, — ну так о чем разговаривать?

Александр Гнездилов — Вы имеете в виду союз с континентальной Европой, в то время как Великобритания после Brexit создала вот этот союз AUKUS с Австралией, с Соединенными Штатами?

Григорий Явлинский — Это... У Европы сейчас огромные проблемы. Это еще одна тема, но это тема современных технологий, это просто тема, что XXI век, люди пока еще не нашли способ, как реализовывать свои философско-политические взгляды в условиях принципиально новых технологий. Наступает, наступило время такой политической энтропии, потому что политические структуры образца XIX века в условиях новых технологий оказываются во многом неспособными работать. Евросоюз отстает от собственных задач, теряет свой главный смысл, он теряет смысл в том, что его главная цель — это человек, его достоинство, его права и свободы, человек. Вот кризис с мигрантами показывает, что Евросоюз не знает, как с этим справиться, просто не знает. И даже этот кризис не только между, в отвратительной форме на границе Белоруссии с Польшей или там с Литвой, но и между Британией и Францией, и в других случаях, и Средиземное море, через которое столько людей не может его пересечь или там гибнет. Не решаются вот эти ключевые проблемы.

У всех сейчас много трудностей, но это не снимает вопрос о перспективе. Понимаете, то, что вы не можете в своей семье договориться с ребенком о чем-то, не означает, что вы должны перестать думать о том, что будет, когда он закончит школу, что будет, где он будет учиться и как он будет расти, не означает, вы обязаны думать и о том, и об этом. Политики должны думать и о будущем, и опять же

очень внимательно следить за тем, что происходит. Вот сейчас такой же момент, сейчас решается, видите, уже создано Азиатское партнерство, уже возникла проблема с Северной Америкой, как она будет на это реагировать.

Ну а Россия-то что думает себе? Мы с нашими 2% ВВП что собираемся делать? Что мы собираемся делать? А плюс еще экология, плюс вот этот энергопереход, плюс вот эти вызовы, связанные с налогообложением тех, кто так или иначе, по мнению западных стран, не участвует в природоохранных или там экологических инициативах, «зеленой» экономике, — ну как все это предполагается решить? Каким способом? А мы вместо этого разбираемся с Украиной, с собственной молодежью протестной, всех объявляем иностранными агентами, экстремистами, формируем коммунистический парламент вместе с «Единой Россией» — ну вот, собственно, и все, что мы делаем.

Александр Гнездилов — В завершение три коротких вопроса. Вы сожалеете о Беловежье сегодня?

Григорий Явлинский — М-м-м... Я сожалею о том, что Россия проиграла постсоветскую модернизацию. Я сожалею о том, что люди поверили, что после советской страны можно построить другую, более современную, в которой им будет хорошо, комфортно, интересно и перспективно жить. Вот то, что это провалилось, и постсоветская модернизация провалилась, и их надежды, что Россия будет европейской страной, не состоялись, и люди почувствовали себя во второй раз за один век обманутыми... Им первый раз обещали советскую страну, они в нее поверили, делали все, что могли, и жертвовали всем, чем могли, чтобы она состоялась, а она развалилась, а потом они поверили, что на этом развале можно построить новое, современное европейское государство, и опять этого не получилось. Об этом я очень сожалею, что дважды люди обмануты. Поэтому не надо удивляться теперь, что люди ни во что не верят и от всего дистанцируются, не надо удивляться. Это очень, очень тяжелое дело, и это, конечно, ответственность российской политической элиты.

Александр Гнездилов — Вы бы хотели вернуться в Советский Союз?

Григорий Явлинский — Ну это как вернуться в мою юность. Вы знаете, я должен рассказать вам тогда какую вещь. Я никогда не был антисоветчиком и даже никогда не был антикоммунистом. В 1976 году, после окончания аспирантуры, я был распределен на работу в угольную промышленность. Я уехал в Кузбасс и там работал, в Кузбассе и в Челябинске. В Челябинске на разрезе самом глубоком в мире, в Коркино, а в Кузбассе в Ленинск-Кузнецке на шахте имени С.М. Кирова. Я работал на подземных работах, примерно 250 метров глубина, я делал фотографии рабочего дня. Я закончил экономику труда Плехановского института, специальность, я создавал систему квалификационных требований и профессиональных характеристик, должностных инструкций для инженерно-технических работников и служащих, в том числе тех, которые работали на подземных работах. То есть я должен был рядом с ними быть и смотреть, что они делают, как это делают, и потом рационализировать это. Мне было тогда 24 года, 25 лет.

Я, конечно, увидел то, чего я не видел раньше. Хотя я работал слесарем на заводе после 8-го класса, но все-таки того, что я увидел в Кузбассе, я не видел никогда. Это был очень тяжелый труд с очень большими проблемами, с очень большими опасностями. Но самое главное, что меня задевало, — это отношение к этому. Люди потеряли интерес, люди чувствовали себя винтиками, просто никем. Они знали, что вся их жизнь предрешена. Ну, в общем, много было того, о чем бы я мог рассказать.

И я начал думать вот тогда, в 1976-м, 1977-м, 1978-м, 1979-м, я там проработал до 1980 года, о том, а как это изменить, вот как сделать по-другому. Я же видел, как люди работают, просто как они работают каждый день, я с ними разговаривал, и я понимал, о чем они думают, я же жил с ними там. И я стал думать, как это изменить, и потом оказалось, что изменить это можно только со всей системой, что всю систему надо изменять, включая однопартийность, включая устаревшую тему госплана, включая все это вместе. Оно должно быть построено на том, чтобы у человека могла быть инициатива, чтобы у него могло быть творчество, чтобы он чувствовал себя свободным и жил без страха. И на этом были построены все мои соображения.

То есть я к ним пришел не потому, что я прочитал какие-то учебники или какие-то иностранные книги, — нет-нет, я к этому пришел, потому что вот меня к этому толкала жизнь. Я просто разговаривал с людьми, спрашивал у них, обсуждал с ними, жил с ними, пил с ними, если хотите, и вот это содержание жизни привело меня к мыслям, что нужно все это по-другому строить. И в 1983 году я написал свою первую работу на эту тему, и это был первый-первый проект «500 дней». Я написал, что так система работать не будет. Или вы должны ко всем опять приставить к голове пистолет, чтобы заставлять работать, или вы должны дать свободу и предприятиям, и людям, и тогда будет что-то по-другому.

Александр Гнездилов — Что вы почувствовали 25 декабря 1991 года, когда над Кремлем опустился красный флаг и поднялся российский триколор?

Григорий Явлинский — Тревогу и беспокойство. Я очень был встревожен этим. Я очень переживал за будущее. Вот и все, что я испытал.

«История ничему не учит, но сурово наказывает»

6 декабря 2021 г., сайт Григория Явлинского

История — это не учительница, а надзирательница:
она ничему не учит, но сурово наказывает
за незнание уроков.

В.О. Ключевский

30 лет назад, 8 декабря 1991 года, три человека, представлявших Российскую Федерацию, Украину и Республику Беларусь, подписали в Беловежской пуще соглашения, которые официально оформили распад СССР. Однако распад начался раньше — когда на фоне стремительных изменений на стыке 1980-х и 1990-х годов фактически все высшее советское руководство продемонстрировало непонимание духа времени и свое полное несоответствие вызовам эпохи.

ГЛАВНОЕ И ВТОРОСТЕПЕННОЕ

Шел 1989 год. Я заведовал сводным экономическим отделом Комиссии по экономической реформе Совмина СССР. В стране ухудшалась экономическая ситуация и набирали силу дезинтеграцион-

ные политические процессы. Все более сложным становилось взаимодействие между центром и республиками. Союзный договор 1922 года был основой тоталитарного управления государством, в то время как в конце 1980-х в Советском Союзе уже пробивались первые ростки демократии, появилась свобода слова. Все явнее становились признаки архаичности и неэффективности государственной конструкции, созданной большевиками[1]. Состоялся первый Съезд народных депутатов СССР, проходили первые, еще не свободные, но заметно отличавшиеся от безальтернативных советских выборы в верховные советы союзных республик. Стало отчетливо ясно: пришло время реформировать отношения центра с республиками, менять правила совместной жизни.

Осенью 1989 года я доложил эти соображения председателю правительства СССР Николаю Рыжкову и его заместителю Леониду Абалкину, подчеркнув, что для сохранения экономики страны необходим новый союзный договор. На тот момент, работая непосредственно с руководителями правительств союзных республик, я знал, что к движению в этом направлении многие республики уже были готовы. Я попросил Рыжкова обсудить подготовку и заключение нового союзного договора с генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым.

Спустя несколько месяцев, вновь докладывая текущие вопросы Рыжкову, я позволил себе напомнить о моей просьбе переговорить с Горбачевым о необходимости нового союзного договора. «Михаил Сергеевич очень занят. У него визиты, очень много зарубежных делегаций, пленумы ЦК, секретариаты, заседания Политбюро…» — сказал мне председатель правительства. Возвращаясь по кремлевскому коридору к себе в кабинет, я думал о том, что может ждать нашу страну, когда первые ее руководители не отличают главное от второстепенного. И ничего хорошего на ум не приходило.

Таким образом, поскольку к началу 1990 года вопрос обновления основы политической интеграции Союза не рассматривался как ключевой, исторический момент был упущен. Началось отставание от времени.

Вопрос распада политического пространства СССР довольно быстро входил в повестку дня. На этом фоне ухудшалась экономическая ситуация. Я понимал, что в таких условиях особенно важно было сохранить единое экономическое пространство. Так возникла идея подготовки специального экономического договора между союзными республиками. Создание на новых основаниях единого экономического пространства, строительство общей рыночной и конкурентной экономики вместо уже не работавшей плановой казалось мне безусловным велением времени в начале 1990-х, а потому и важнейшим государственным делом. Я полагал, что если экономический союз между республиками будет реализован, то через какое-то время появятся предпосылки и к качественно новому политическому сближению. Тем более уже тогда было очевидно, что мир движется в сторону глобализации. Но высшие советские руководители не понимали этих процессов и хотели повернуть время вспять. Августовский путч 1991 года ярко продемонстрировал это тотальное непонимание времени и несоответствие эпохе.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Сразу после провала ГКЧП Борис Ельцин и Михаил Горбачев предложили мне войти в состав Комитета по управлению народным хозяйством СССР. В качестве одного из трех заместителей председателя комитета я занимался всеми текущими экономическими вопросами в стране. Кроме того, я отвечал за подготовку проекта экономического договора. Вместе со мной над проектом договора и разработкой ряда конкретных экономических соглашений по его реализации работали лучшие специалисты аппарата Совмина СССР.

И вот 18 октября 1991 года в Кремле главы восьми тогда еще союзных республик, а также первый и последний президент СССР подписали Договор об экономическом сообществе[2] (через несколько дней к договору присоединилась Украина — свою подпись поставил украинский премьер-министр, а три балтийские республики подписали протокол соглашения в качестве наблюдателей). В договоре

и соглашениях к нему речь шла среди прочего о банковском союзе и рубле как общей валюте, открытых границах и едином таможенном пространстве, общей зоне свободной торговли и согласовании законодательства по приватизации — всего 59 статей на 12 страницах.

Европа к такой модели взаимодействия, к такому уровню интеграции пришла лишь спустя десять лет. У России же и других бывших республик СССР возможность пойти по пути современной для того времени интеграции была еще осенью 1991-го. Движение именно в этом направлении потенциально могло преобразовать центробежные устремления республиканских элит в энергию созидания, а не распада. Ведь речь шла не о политическом контроле из центра, а о реализации экономического потенциала, который несет интеграция. В отличие от европейцев, перед нами не стояло задачи решать фундаментальные проблемы объединения экономик. У нас уже была основа для интеграции: почти семь десятилетий действовала общая советская экономическая система, сложился во многом схожий менталитет. В этой ситуации проще и гораздо эффективнее было построить на принципиально новых основаниях одну общую экономическую систему, чем пятнадцать разных. Это был бы естественный, менее болезненный и гораздо более перспективный переход от советской модели экономики к свободному рынку, частной собственности, реальной конкуренции.

Обсуждать какие-то политические договоренности между почти уже бывшими союзными республиками осенью 1991 года было бессмысленно. Во-первых, потому что согласовывать и подписывать новые договоренности могла только та же высокопоставленная партийная номенклатура (собственно, она и оставалась у власти практически во всех республиках после падения коммунистической системы), представители которой в силу своего ограниченного понимания были просто неспособны прийти к новой политической модели взаимодействия. Во-вторых, после августовского путча в республиках чувствовалось глубокое разочарование в советской системе, и новый союзный договор должен был предложить принципиально новое политическое устройство. В-третьих, ситуация на всем постсоветском пространстве требовала принятия немедленных мер

по реанимации экономики, а для этого необходимо было в первую очередь экономическое соглашение. Другими словами, решение о сохранении обновленного Союза на тот момент состояло в заключении экономического договора, который в случае успеха через какое-то время имел бы и политические перспективы.

«РОССИЯ ПОЙДЕТ ОДНА, ОНА НЕ МОЖЕТ ЖДАТЬ»

Но политическое руководство России не собиралось реализовывать подписанные в Кремле соглашения. В начале октября, за несколько дней до подписания Договора об экономическом сообществе, у меня состоялась беседа с Ельциным. Борис Николаевич обсуждал со мной новую экономическую политику. Я спросил, будут ли координироваться вопросы экономического развития с другими республиками, на что Ельцин прямо сказал: «Россия пойдет одна, она не может ждать». А уже 5 ноября помощник Ельцина Геннадий Бурбулис пригласил меня в Белый дом и предложил возглавить правительство РСФСР. На мой вопрос, какая будет экономическая программа, Бурбулис ответил, что Россия будет действовать самостоятельно, а в самые первые дни 1992 года будет одномоментно почти полностью снят контроль за ценами. Я сказал, что это авантюра, которая спровоцирует высокую инфляцию и приведет к резкому спаду производства. Объяснил, что у меня совсем другие представления о том, что необходимо делать, и отказался от предложенного поста. В январе 1992-го «отпустили» цены, гиперинфляция к концу года действительно составила 2600%, а ВВП в последующие три года снизился на 39%.

Экономическая ситуация в стране к концу 1991 года была крайне тяжелая: повсюду царил хаос, дефицит практически всех товаров стал нормой. Тем не менее работал черный рынок и продукты питания были доступны, голод стране не грозил, а годовая инфляция в декабре не превышала 12%. Кроме того, уже был разработан отечественный план реформ — «500 дней»[3]. Эта программа была

подготовлена в 1989–1991 годах группой российских специалистов и после тщательного обсуждения поддержана авторитетными экономистами мирового уровня. В основе программы лежали малая и средняя приватизация за счет сбережений населения и, как результат, сбалансирование спроса и предложения, а также создание среднего класса предпринимателей и реализация Экономического договора. Правда, у «500 дней» не было реальной поддержки в Вашингтоне. Вероятно, это было связано с тем, что наша экономическая программа в перспективе могла привести к восстановлению некоего обновленного союза, а геополитические расчеты руководства США такого развития не предполагали, поэтому за этим планом не стояли кредиты МВФ[4]. В том числе по этим причинам отечественная концепция реформ была отвергнута Ельциным и к реализации была принята другая программа — так называемый вашингтонский консенсус. Исполнителем этого плана согласился стать Егор Гайдар.

Меня тогда часто спрашивали, что будет, если одномоментно отделить все республики от России. Для меня сам этот вопрос звучал дико: зачем намеренно разрывать существовавшую десятилетия кооперацию? Но окружавшие Ельцина политики-радикалы настаивали, что если не разорвать на части компартию и КГБ, то не получится ликвидировать союзный центр. Я же считал, что центр следовало сохранить, поскольку общую экономику необходимо перестраивать, а не рвать на части. Мне как экономисту и просто гражданину своей страны намеренная дезинтеграция казалась абсурдной и противоестественной. В декабре 1991 года Комитет по управлению народным хозяйством СССР прекратил свое существование, и я вскоре уехал со своей командой в Нижний Новгород, где вместе с только что назначенным нижегородским губернатором Борисом Немцовым занялся региональной реформой.

Подписанным 18 октября 1991 года в Кремле соглашениям об экономическом сотрудничестве так и не дали реализоваться. А уже в декабре в Беловежской пуще идея экономического договора была уничтожена окончательно. Россия пошла одна. Результатом стала полная конфискация сбережений у населения, тотальное обнищание граждан, а затем, естественно, криминальная приватизация.

ПОНИМАТЬ ВРЕМЯ

После победного завершения Отечественной войны 1812 года Россия вплотную подошла к отмене крепостного права. В 1816–1819 годах сразу в нескольких российских губерниях была отменена личная крепостная зависимость. Царь Александр I намеревался отказаться от крепостного права повсеместно. Это могло стать началом модернизации всего государства. Но российское самодержавие не поняло требования времени и смысла исторического момента и не решилось на этот шаг. На распространявшиеся устремления освободиться от крепостной зависимости самодержавная власть ответила народу буквально: «Бог подаст» (в манифесте об окончании войны от 30 августа 1814 года Александр I написал: «А крестьяне, добрый наш народ, да получат мзду свою от Бога»).

Процесс был прерван на 42 года. Уже в 1825 году произошло восстание декабристов в Петербурге. Один из мятежников, декабрист Александр Бестужев, писал Николаю I из Петропавловской крепости: «…Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России». А другой современник тех событий, член тайной организации декабристов «Союз благоденствия» Николай Тургенев, в 1826 году уехавший в Англию и осужденный заочно, отмечал: «Когда неприятель ушел, крепостные крестьяне полагали, что своим героическим сопротивлением французам, мужественным и безропотным перенесением для общего освобождения стольких опасностей и лишений они заслужили свободу. Убежденные в этом, они во многих местностях не хотели признавать власть господ».

Спустя десять лет вопрос о будущем развитии страны был замещен, с одной стороны, борьбой за власть и идеей цареубийства, а с другой — виселицами и каторгой для политических оппонентов. Потом были новые войны на Кавказе, на юге и в Средней Азии. В итоге крепостное право было отменено императором Александром II лишь в 1861 году, после поражения России в Крымской войне. Историче-

ский момент был упущен, маховик истории было не остановить: народовольцы, большевистский переворот 1917 года и десятилетия красного террора — вот плата за непонимание истории и времени.

У каждого времени есть свой смысл, в соответствии с которым надо действовать, и тогда в случае успеха решения могут быть эффективными, их результат — долговременным, достижения — стратегическими. Если не понимать, не чувствовать время, неизбежны тяжелые ошибки.

В конце 1980-х советские реформаторы не осознавали необходимости нового союзного договора для обновления и сохранения государства, что привело к распаду СССР. В 1991 году новое российское руководство не понимало первостепенной важности подписания экономических соглашений, сохранения и использования потенциала интеграции, в результате чего в этот критический для будущего момент вся политика свелась к национализму и кулуарным договоренностям республиканских верхушек о разделе страны. Последствия радикальной дезинтеграции на скорую руку в Беловежской пуще и отказ от экономического договора сказываются по сей день, но это ошибки, которые невозможно исправить.

Вот и сегодня высшие российские элиты не понимают, что диктуемый историей и временем путь вперед для России — это не какая-то выдуманная «отдельная цивилизация», не попытка пристроиться к чуждому нам азиатскому партнеру и не бесконечное бряцание оружием перед ближайшими соседями, что в любой момент может обернуться реальной войной. Нет, эволюционное движение для нас — это, несмотря ни на что, постепенное, но неуклонное сближение с Европой сначала в экономической сфере, а со временем и в политической. Если такого сближения не произойдет в ближайшие 20 лет, наше государство ждут уже необратимые последствия.

В ноябре 2020 года в Ханое на саммите Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) 15 государств (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Австралия, Китай, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония) после девяти лет подготовки подписали соглашение о создании Всестороннего регионального экономического партнерства — зоны

свободной торговли (ВРЭП/RCEP)[5]. На долю этих стран Юго-Восточной Азии и Океании приходится 32% мирового ВВП, что в сумме исчисляется 28 трлн долларов. Таким образом, был сформирован крупнейший экономический блок в мире. Конкурировать с такой мощью может разве что Северная Америка. Европа после «брекзита», на фоне миграционного кризиса и набирающего силу на континенте крайне правого популизма находится в тяжелой политической и экономической ситуации. В этих условиях шанс обрести качественно новую перспективу, новый прилив экономических сил у Европы появится только при всестороннем сотрудничестве с крупным и сильным партнером. Когда единственно возможным партнером для европейцев останутся США и возникнет американо-европейское экономическое объединение, по своим параметрам сопоставимое с ВРЭП, Россия окажется буквально между молотом и наковальней, зажатая между двумя противостоящими экономическими блоками — американо-европейским и азиатским. Тогда наша страна будет уже не субъектом глобальной политики, а объектом, за территорию и ресурсы которого будет идти борьба.

Именно поэтому Россия заинтересована в интеграции с Европой. В этом случае у нас появится надежная перспектива сохраниться и развиваться как современная страна на прочном фундаменте своих исторических особенностей и культурного своеобразия. Именно в российско-европейской интеграции содержится не только решение проблемы отношений России и Украины, но и путь к безопасному и благополучному будущему для самой России и для Беларуси[6].

Да и философия европейского развития подразумевает расширение, которое теперь возможно только в одном направлении — на восток. В этом контексте становление российско-европейского мира, основанного на ценностях, свободе, уважении к человеку, жизни без страха, обуздании технического прогресса, опережающего сегодня человеческое сознание, можно назвать главным политическим смыслом первой половины XXI века. Это не вопрос оценки возможностей в текущей политической ситуации, не вопрос идеологии. С точки зрения большой экономики и безопасной политики интеграция — это как законы природы, объективная реальность, кото-

рая существует вне зависимости от нашего отношения к ней. Мы же можем либо учитывать и использовать эту реальность, опираться на нее и идти вперед, либо проигрывать. При этом речь, конечно, идет об интеграции на основе общего понимания прав и свобод человека, реальной демократии и фундаментальных принципов государственного устройства, таких как разделение властей, независимость правосудия, неприкосновенность частной собственности. Это не интеграция по типу членства в ВТО или даже участия в Таможенном союзе. Это стратегия формирования третьего глобального центра силы — российско-европейского — наряду с центрами в Северной Америке и Азии.

«Задача государственного деятеля — слышать шаги Бога, шагающие по истории, и стараться цепляться за Его фалды, когда Он проходит мимо», — писал первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк. У истории есть содержание, и политик обязан его понимать, обязан чувствовать момент и суть времени. Непонимание этого, несоответствие действий требованиям времени приводят к таким катастрофам, как утрата государства. В XX веке Россия пережила это дважды — в 1917 и 1991 годах. И если уроки истории так и не будут поняты и выучены, нам придется расплачиваться и в XXI веке.

[1] Явлинский Г. А. Ложь и легитимность // Новая газета. 15 февраля 2012. Доступ (проверено 29.11.2021).

[2] Договор об экономическом сообществе от 18 октября 1991 г. // Правительственный вестник. 1991. № 42. С. 1–3. Доступ (проверено 10.11.2021).

[3] Переход к рынку. Концепция и программа // Эпицентр, Москва, 1990 год. Доступ (проверено 16.11.2021).

[4] Как и тогда, считаю, что руководство России должно было настаивать на собственной программе. Авторитет России в мире в то время был настолько высок, что мы, без сомнения, могли получить необходимые кредиты под нашу собственную программу, которая гораздо лучше отражала реалии постсоветской экономической ситуации. Непонимание сути необходимых экономических реформ, нежелание в этом разбираться и неверие в свои силы привели к реализации ошибочного для России плана.

[5] Страны АСЕАН подписали крупнейшее соглашение о свободной торговле // Интерфакс. 15 ноября 2020. Доступ (проверено 20.11.2021).

[6] Явлинский Г. А. Об историческом будущем России и Украины // Официальный сайт Григория Явлинского. 19 июля 2021. Доступ (проверено 20.11.2021).

«Беловежская пуща — это выпадение из времени»

16 декабря 2021 г., «Интерфакс»

О положении в стране осенью 1991 года в интервью специальному корреспонденту «Интерфакса» Вячеславу Терехову рассказывает Григорий Явлинский — в то время заместитель руководителя Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР в ранге вице-премьера, член Политического консультативного совета при президенте СССР.

— Главный вопрос, который «висит в воздухе» в эту грустную годовщину, это отношение к решению трех славянских республик СССР о роспуске Советского Союза, хотя казалось, что после заключения 18 октября Договора об экономическом сообществе — Союзу быть!

— Решения, принятые в Беловежской пуще, — это яркий пример выпадения из времени, это непонимание хода истории. Весь мир шел к глобализации, Европа закладывала фундамент своего объединения, а Россия сделала прямо противоположный ход к дезинтеграции. Большой политик обязан понимать суть времени, чувствовать его ход и стараться вникнуть в суть данного момента истории. А суть его тогда была в том, чтобы создать экономический союз между бывшими республиками СССР, создать между ними единое экономическое,

рыночное, конкурентное пространство. Это было веление времени, потому что к этому шли технологии, шла мировая экономика, к этому все шло, а Россия сделала, повторяю, прямо наоборот. И мы долго и дорого будем платить за то, что тогда сделали движение в противоположном направлении.

НЕ В ПУТЧЕ КОРЕНЬ ЗЛА!

— Из этого возникает следующий закономерный вопрос: можно ли было сохранить Советский Союз, и кто виноват в его развале: путчисты или участники сговора в Беловежской пуще. Вы были тогда в центре событий. Как вы ответите на этот вопрос?

— Я тогда занимался не политикой, а экономикой. Однако ответ на вопрос о судьбе СССР у меня, конечно, есть. Но для этого отойдем от августа 1991 года. Начнем рассказ с 1988–89 годов. Я тогда работал руководителем сводного отдела Комиссии по экономическим реформам Совета министров СССР и непосредственно общался с Николаем Рыжковым и Леонидом Абалкиным (в то время глава правительства и его заместитель, — *ИФ*).

Однажды, в 1989 году, я пришел к Н. Рыжкову, там был Л. Абалкин, который являлся моим куратором. Так как у меня не было возможности подхода лично к М.С. Горбачеву, я попросил их передать Генсеку, что, по моему мнению, сейчас одним из первоочередных дел является заключение нового Союзного договора. Эта моя уверенность базировалась на результатах работы со всеми союзными и республиканскими экономическими органами и ведомствами. И я понимал, что не могу сделать сводный отчет о состоянии экономики страны, потому что эти органы передают мне неправильные сведения, а в некоторых случаях республики просто саботировали передачу данных, и никто не мог с этим справиться.

Мне просто приходят неправильные данные. Более того, я прямо сказал и главе правительства, и его заму, что то, что им передает Юрий Дмитриевич Маслюков (в то время первый заместитель

премьер-министра СССР, председатель Госплана СССР, — *ИФ*), это высосано из пальца и что у него нет базы для того, чтобы сделать Государственный план. Я предложил подготовить соответствующие документы с обоснованиями своего вывода. Это все я попросил передать М.С. Горбачеву.

Прошло полгода, и я снова вернулся в том же составе к этому вопросу. И Николай Иванович мне ответил: «Понимаете, Григорий Алексеевич, Михаил Сергеевич очень занят, у него командировки, постоянные делегации, заседания Политбюро, ЦК, поездки по стране, пленумы — просто не хватает времени».

Я молча его выслушал, но когда шел по коридору Кремля в свой кабинет, то сам с собой разговаривал совсем не печатными словами, потому отчетливо понимал, что это… все, дело плохо совсем! «Если они не отличают главного от второстепенного, не видят, что сейчас есть самое главное, то — всё! Позже, помощник Рыжкова кричал мне, что «никто не даст развалить страну!». Я ему просто ответил: «А никто никого спрашивать не будет!». И повторил: «Никто никого спрашивать не будет». Больше я к этой теме не возвращался.

ПОТОМ БЫЛО СЛИШКОМ ПОЗДНО!

— Как я понял из этих разговоров, крепко засевших в вашей памяти, дело было, как говорится в одной шоферской притче, не в бобине… То бишь, не в участниках путча, а скорее в руководителях, определявших развитие экономики страны. Все было видно раньше, но не хотели на это обращать внимание. Так?

— Да. Причина развала была уже совсем не в путче, она была в непонимании сути проблемы! А когда руководство решило заняться Союзным договором, было уже поздно. Просто поздно.

Путч? Путч всего лишь ясно показал следующее: что все ключевые члены руководства страны живут вне времени, вне повестки дня, вне ситуации… Ситуация развивается в одну сторону, а они идут в другую. И все их предложения полностью расходятся со всем,

чем живет страна. Поэтому они были обречены. Главный вопрос был — чтобы не было много крови, а еще лучше вообще без крови. Для меня был только этот вопрос. А то, что это было предрешено, это было очевидно. Просто они все вместе были из другого мира. Ни Рыжков, ни Абалкин — они не понимали, когда и что надо было делать, что самый главный вопрос в том, что Союзный договор, как они его видели, был приспособлен для тоталитарного государства, а уже в 1988–89 году появились первые признаки другого типа государства. Значит, надо было срочно менять правила. И все хотели этого, и были наметки, но именно этого в нужный момент сделано не было. Потом, потом Горбачев этим занялся.

Но поздно. Если говорить про сохранение Союза, то поздно. Поэтому я про Союз, в контексте политическом, уже не думал, потому что с точки зрения экономиста, все было понятно раньше!

УЖЕ НУЖЕН БЫЛ НЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ, А ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДОГОВОР!

— И что решил экономист?

— У меня, как экономиста, появилась другая идея, которая была инкорпорирована в «500 дней». Ладно. По политическому союзу все с ними ясно, я там ничего сделать не смогу, потому что я не «актор» этой поляны. Я работаю в другой сфере, я экономикой занимаюсь.

Моя идея была такая: мы сделаем экономический договор и создадим Экономический союз, в котором будет единая валюта, в котором будет банковский союз, в котором будет единое таможенное пространство, единая зона торговли, в котором будет общее базовое законодательство во многих областях, например, в приватизации, в вопросах регулирования бизнеса, налогообложении. А флаги свои пускай вешают, и на каком хотят языке пускай говорят. Пускай!

Вспомните: еще не было Евросоюза в том виде, в котором сейчас. Он тогда только строился, он только через 10 лет таким стал. А мы-то были готовы к этому. Отличие нашего подхода от европей-

ского в том, что перед нами не стояла задача решать такие фундаментальные проблемы объединения, какие стояли перед ними. У нас основа для интеграции была.

Когда провалился путч, мне позвонил Ельцин и попросил войти в правительство СССР. Это же предложил мне и Горбачев. По их просьбе я вошел в правительство Союза, которое называлось Комитетом по управлению народным хозяйством.

Как вы знаете, роли там распределялись следующим образом: председателем был Иван Силаев. Аркадий Вольский занимался ВПК. Юрий Лужков занимался гуманитарной помощью. А мне поручено было заниматься всем народным хозяйством: школами, больницами, транспортом, заводами, фабриками, дорогами, финансами, банками. Все требовало бесконечных управленческих решений, потому что механизмы управления переставали работать, впрочем, они уже и не работали. Но главное, что, помимо решения этих задач, я занимался подготовкой Экономического договора. Это же была часть моей программы. Горбачев пообещал, что он серьезно к этому отнесется.

И мы разработали проект Договора. Для этого я каждый день не менее трех часов рабочего времени тратил на обсуждения и переговоры с руководителями республик на уровне премьеров и их госпланов. Но что самое важное в этом документе — в нем было около 60 приложений — проекты конкретных документов: положения и инструкции по всем ключевым вопросам , маршруты, схемы, методики. Все было. Конечно, это были проекты, но они уже были завизированы и подписаны руководителями всех республик, кроме Гамсахурдиа в Грузии и азербайджанских руководителей, которые очень обижались за Карабах. Все остальные подписали. Даже прибалты подписали, подписали как наблюдатели, но все равно подписали и участвовали в работе — и очень активно и очень помогали. Поэтому документ полностью был готов, и он был подписан.

ДИЛЕММА ПЕРЕД ЕЛЬЦИНЫМ: ЯВЛИНСКИЙ ИЛИ ГАЙДАР?

— Документ, прекрасный документ, могу сам это засвидетельствовать, потому что его просматривал, уже есть. Но этого мало. Его надо выполнять, а не на полку в архив класть. И почему дальше все пошло не так, как должно было быть?

— Объясню сейчас. Документ уже есть, все готово, все сделано. Приглашает меня Борис Николаевич в начале октября (до подписания Договора) и ведет со мной следующий разговор: «Григорий Алексеевич, а как вы смотрите на то, чтобы возглавить правительство России?». Я говорю: «Борис Николаевич, это большая честь, но я хотел бы спросить у вас, что мы будем делать? Насколько мне известно, вы не собираетесь скоординированно с республиками решать вопросы экономического развития».

По-моему, этот разговор был за неделю до подписания. Он мне говорит: «Россия пойдет одна». Я говорю: «Второй вопрос: вы правда хотите в один день освободить цены в стране, в которой нет ни одного частного предприятия и все народное хозяйство состоит из умышленно созданных государственных предприятий-монополистов? Один частный ресторанчик на Кропоткинской на всю Россию. Вы правда хотите снять контроль над ценами в один день?». Он: «У нас нет времени ждать, мы не можем стоять на месте, Григорий Алексеевич».

Болезненное было расставание. А спустя две недели звонит Бурбулис, приглашает меня в Белый дом, а я работал в Кремле. Я приезжаю в Белый дом. Обратите внимание — это важный момент! Захожу к Бурбулису, он меня заводит в комнату отдыха у себя и говорит: «Перед Борисом Николаевичем лежат два указа: один на вас, один на Гайдара. Вас он знает и хочет назначить, Гайдара он не знает и сомневается, решайте». Я говорю: «Геннадий Эдуардович, снова задам вам вопрос: что будет с Экономическим договором?». Он отвечает: «Россия пойдет одна, мы никого ждать не будем».

— То есть, они подписывали Договор, но при этом знали, что все равно не будут его выполнять?

— Да, именно так, ваш вывод абсолютно правильный. И второе, я говорю: «Вы правда, что ли, в один день все цены освободите?» «Да, — говорит, — все будет сделано в один день». Я говорю: «Гена, все, пока. Я не буду этим заниматься». Он мне: «Ты точно все понял, ты все продумал, ты точно оценил? Ты взвесил все, ты понимаешь, какое ты принимаешь решение?». Я говорю: «Я не буду этим заниматься, это авантюра. Я не буду».

Потом я читаю воспоминания Полторанина. Он рассказал, что звонил накануне Ельцину и доложил, что «уговорил Явлинского». Ельцин ему ответил: «А что Явлинский? Явлинский будет делать то, что он считает правильным, а мне кредиты нужны».

Подписывая договор, они тогда ситуативно понимали, что еще надо считаться с Кремлем, Горбачевым. Но точно знали, что он им не нужен. Вот, собственно, и все.

НАМ ГРОЗИЛ ГОЛОД…?

— В книге Гайдара есть такая фраза: «Нарастающие трудности с продовольственным снабжением создают взрывоопасную политическую ситуацию…»! Значит осенью 1991 года нам грозил голод?

— Я последнюю деталь хочу рассказать: Гайдар, уже будучи назначенным, пришел ко мне и стал мне предлагать войти в правительство. Я ему говорю: «Егор, ты реально думаешь разорвать все экономические связи и отпустить цены в один день?». «Да», — говорит он. Я в ответ: «Ты что, не понимаешь? Ну ладно Ельцин, Бурбулис, они вообще ни при чем. Но ты, ты что, не понимаешь, что это авантюра?». Он мне: «Ну и что?».

Когда он мне сказал это «ну и что» — это был мой последний или почти последний с ним разговор. Я больше с ним никогда не разговаривал. Потому что услышать по такому вопросу в ответ — «ну и что»…!

Они с Чубайсом очень-очень хотели быть правительством и потому были готовы делать, что им скажут. Что скажут, то они и будут делать. На этом они стояли, это была их позиция. Они сами говорили: «У нас нет программы. Что скажете, то и будем делать». Ранее появился «вашингтонский консенсус»: из Госдепартамента пошла телеграмма послу США в Москве Мэтлоку — сделайте так, чтобы не слушали Явлинского ни Горбачев, ни Ельцин, потому что Явлинский не понимает душу русского народа. Это можно прочитать, это все опубликовано. Это опубликовал Степанков в своих воспоминаниях о ГКЧП. Там есть эта телеграмма. Ее КГБ перехватил.

— И все-таки я повторяю вопрос: действительно в стране была полная разруха, и грозил голод?

— Нет, такого на самом деле не было. Я всем этим занимался ежедневно 20 часов. В стране не было такого рода проблем ни с детскими садами, ни со школами, ни с заводскими столовыми, ни с больницами — голода не было. Да, магазины были почти пустые — вся советская система распределения действительно рухнула. Обычные советские продукты как бы были, и дома у людей обычная советская еда была, но полностью сдохла система распределения, потому что она была командная. А команд больше не было. И все было из-под полы. И стояла проблема, как все это распределять. В целом, не было дефицита или отсутствия, например, горючего.

То есть, всего этого часто не было в нужном месте в нужное время, и создавалось впечатление, что ничего вообще не было, но в стране, на складах, в запасниках, резервах многое из товаров первой необходимости и продовольствие, конечно, было. Да, не было болоньевых плащей, не было японских зонтиков и другого ширпотреба, но денежное обращение еще было.

Это уже потом после 2 января 1992 года началась гиперинфляция, которая к декабрю достигла 2600%, и в ходе этого уже все разрушилось окончательно. Вот это и стало одним из прямых главных следствий авантюры, о которой я говорил Ельцину, Бурбулису и Гайдару: когда в сверхмонополизированной экономике отпускают цены в один день.

– Это в январе 1992 года?

— В ноябре — декабре 1991 года инфляция была около 12%! А через год 2600%.

— Тогда зачем разговоры о страшной угрозе?

— Потому что ему надо было объясняться, оправдываться. На самом деле, это не соответствует действительности. Конечно, был хаос, конечно, была разруха, конечно, были дефициты, но голода не было, и инфляция, повторяю, составляла 12%. А мы, кстати, жили при примерно 12% и больше совсем недавно, с 2001 до 2005, в 2007, 2008, 2015, например. В то время 12-процентную инфляцию можно было пережить. Конечно, ничего хорошего в этом нет. Но это не 2600% в декабре 1992 года.

К чему это привело? Это привело к тому, что произошла всенародная конфискация — у народа путем гиперинфляции конфисковали все деньги. После этого как приватизацию проводить? После этого невозможно проводить приватизацию, можно только криминально передать собственность в руки дружков, что и сделали. Эти два шага — конфискация в виде гиперинфляции и потом так называемые залоговые аукционы, т.е. практически бесплатная раздача государственной собственности друзьям-приятелям — создали олигархию и слияние собственности и власти, т.е. мафию. Так и живем.

— Значит приватизация — это создание класса собственников?

— Я кое-что напомню вам. Это показательно. Когда мы с вами жили при советской власти, в Москве был Черемушкинский рынок, и там было все. И все посольства, потому что у них были деньги, там все покупали. Что сделало российское правительство? Они всю страну превратили в Черемушкинский рынок, отпустив цены. Пожалуйста — можешь покупать все, что хочешь… Просто нет денег.

— Этим Гайдар гордился, он говорил, что теперь ни как при советской власти, теперь все наоборот: теперь продукты есть, а денег нет. Это правильная экономика, теперь зарабатывайте деньги.

— Прекрасно, так дай возможность зарабатывать. Ты же этого сделать не можешь. Да и цены меняются каждый день.

Смысл программы «500 дней» был совсем другой — начинать с институциональных вопросов, создавать частную собственность, продавать людям за накопленные за советское время деньги среднюю и мелкую государственную собственность: магазины, прачечные, химчистки, малые предприятия и тому подобное. То есть создавать средний класс. Потом эти люди покупали бы акции крупных предприятий, например, «Норникеля». У вас было бы 20 акций, у меня 20, у него — 100, у кого-то было бы 3%. Было бы не несколько десятков олигархов-собственников, а средний класс!

Не буду сейчас подробно рассказывать о программе «500 дней», она была создана раньше рассматриваемого нами периода. Но скажу главное: это была программа по созданию среднего класса. Слова «500 дней» говорят не о том, что через 500 дней будет Швейцария! «500 дней» говорят о том, насколько видно было вперед, что именно и как надо делать, и это нужно было делать скоординированно по всей стране. Это была программа действий на 1,5 года. Это программа постепенного перехода к рыночной экономике. И было примерно понятно, что надо делать и что надо корректировать, и кто что должен делать. Это была программа действий, а не программа перехода в рай. Причем блестящий экономист, мой товарищ Борис Федоров разработал уже тогда полный пакет законопроектов как союзных, так и республиканских.

— Вы думаете, что на Дальнем Востоке, в Средней Азии делали бы то же самое?

— Они сами мне присылали свои программы. Они были настолько вдохновлены, что, когда я был зампредом, многие регионы страны присылали мне свои предложения о программах, которые они хотели реализовывать в контексте общей программы 500 дней.

Люди действительно хотели двигаться вперед, к свободе. И они действительно понимали, что нужно делать с экономикой в их регионах. У меня был целый шкаф программ, которые были сделаны в регионах и тоже в республиках.

ОН СКАЗАЛ: «ПОЕХАЛИ» ТУДА, НО ПОЕХАЛ В ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ СТОРОНУ!

— Но президент Ельцин должен был дать согласие. Он дал?

— Короче говоря, лето 90-го года, когда я стал вице-премьером, у меня есть программа «500 дней». Но программа-то для Союза, а не для России. В России кроме бытового обслуживания почти ничего нет. Центробанк союзный, таможня союзная, экономика вся союзная. Мне же надо что-то делать. Я сейчас в рассказе много чего пропускаю. Одним словом, я еду в Юрмалу, там Ельцин отдыхает. Это самое начало июля 90-го года. Мы ходим с ним по пляжу вдоль моря, и я его убеждаю, чтобы он стал двигателем этой программы. Я доказываю ему, что в этой программе будущее. А Горбачев окружен консерваторами и…сам не понимает сути дела и не решается. А вот Россия могла бы стать тем фактором, который двинул бы экономику всей страны вперед.

Ельцин очень серьезно это воспринял и обратился к Горбачеву с письмом, которое он через меня передал, чтобы создать совместную рабочую группу Горбачева и Ельцина по разработке экономической программы для страны, это лето 90-го года. И тогда Горбачев в эту группу отправил от себя Шаталина. Поэтому группа называлась Шаталина–Явлинского. И эта группа подготовила… и в ней был первый, подчеркиваю, первый вариант экономического договора. Эти «500 дней» были союзными. Это был настоящий документ.

А теперь вы должны задать мне вопрос, а почему же вы ушли от Ельцина, если он согласился с вашей программой? Отвечаю: потому что на деле он стал делать совсем другое, чего не было в программе. Когда Борис Николаевич призвал предприятия: не платите налоги в Союзный центр. И когда Борис Николаевич послал какую-то депутатскую, извините, шпану захватить кабинет председателя Госбанка СССР Геращенко, если вы помните такую историю, то все, я не мог с этим соглашаться. Я, например, спрашивал: «Борис Николаевич, у нас же в программе написано, что мы не будем повышать закупочные цены на мясо, а вы их повысили. «Григорий Алексеевич, не волнуйтесь, мы потом вернем все обратно».

— Ясно. Вот проходит этот период, опять я к своей теме, к 91-му году. В октябре подписан Договор об экономическом сообществе. Почему он не получил развитие дальше?

— Те, кто боролся тогда за власть, не понимали смысла Экономического союза. Пока они сражались, экономика рухнула, потому что можно как-то жить при плановой экономике, можно нормально жить при рыночной. А тогда было ни то, ни это. Плановая экономика умерла, а рыночная не родилась.

Те, кто тогда как бы определял общественное мнение, ничего не понимали в экономике, но с апломбом непрерывно морочили людям голову. А власть, так или иначе, но это отражение состояния умов активной части общества, как бы «интеллигенции». При нормальной экономике активный класс — это средний класс, а его у нас так и не стало. Активным стал другой слой общества — болтунов.

ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ, А НИКОГО ОН НЕ ВЗВОЛНОВАЛ. ПОЧЕМУ?

— Я все-таки не могу понять, почему «Вискули» так совершенно спокойно прошли? Люди перед этим голосовали за Союз, люди прекрасно понимали, интеллигенция понимала, что они разрывают экономические связи, культурные связи, все разрывают.

— Знаете, один известный человек, к счастью, до сих пор здравствующий, сказал мне вот что. Я ему говорю: «Скажите, Вы не забыли, что все наши трубопроводы в Европу идут через Украину». Знаете, что он мне ответил? «Мы построим трубопроводы в Европу через нашу Сибирь». Я говорю: «Простите, я не понял, как через Сибирь? Через Сибирь, через Америку и в Европу, что ли?». Он: «Да». Вот и все. Поняли? Это разговор в Белом доме перед совещанием у Ельцина. Вот такой был уровень.

— Этот разговор был в 91-м?

— Да, осенью 91-го года в Белом доме. У меня было всегда впечатление, что и для Ельцина, и для Горбачева экономика была абсолютно посторонним делом. Совершенно. Они шли на поводу у тех, кому почему-то доверяли. Так Ельцин сделал эту гиперинфляцию, так он сделал залоговые аукционы, так он получил тяжелый кризис 98-го года. Россия объявила дефолт и девальвацию одновременно. Уникальная история, кстати. А это делалось для чего? Для того, чтобы сохранить деньги банкиров-олигархов за счет граждан.

ДАЛИ ДУБИНКОЙ СЕБЕ ПО ГОЛОВЕ!

— Вас не удивило решение в Беловежской пуще трех республик о том, что Советский Союз распадается?

— Я не знал, что это готовится. Ельцин и Бурбулис понимали, что я с этим категорически не согласен и отодвинули меня от всех обсуждений на эту тему. Но меня это не удивило — было очень плохо на душе, очень тошно, и были плохие ожидания. Очень было не по себе. И, естественно, это был последний день моей работы в качестве зампреда Комитета по управлению народным хозяйством СССР. Я собрал вещи и ушел.

— А не удивило, почему? Потому что вы это ожидали?

— Я же понимал и видел, как они относятся к Экономическому договору. Я же видел, как они меня изолировали. Они меня специально отправили в Комитет по управлению народным хозяйством, чтобы варить вот эту свою кашу без возражающих. Я признаки этого слышал, потому что мне задавали вопрос: «Григорий Алексеевич, как Вы думаете, если мы отделим все республики, все разделим, мы справимся?». Я говорю: «Я даже думать об этом не могу. Никакая экономика этого не выдержит. А для чего это делать?». Это все равно, что спросить: если я сам себе дам дубиной по голове. Как вы думаете,

я после этого буду нормально себя чувствовать? Я даже не знал, как на это отвечать. Вот такие мне задавали вопросы.

И тогда однажды и я задал им ключевой вопрос. Я говорю: «А зачем?». «А иначе, — говорят, — если не разорвать на части партию и КГБ, то не получится ликвидировать союзный центр, надо разорвать их на части, они развалятся, и Россия пойдет одна». Вот и все. Вот в этом была идея.

Для меня и как для человека, и как для гражданина, и как для экономиста все это было дико и абсурдно. Да, я понимал и считал, безусловно, правильным, что тоталитарная система должна уйти в прошлое и КПСС вместе с ней, но экономику надо было сохранять и перестраивать, а не уничтожать. И такая цена и такой способ развала всего и вся меня категорически не устраивали. Я этого не скрывал. В ноябре 1990 года ушел в отставку и никогда больше не соглашался работать в российском правительстве.

Интервью итальянскому журналу il Mulino

17 декабря 2021 г., il Mulino

Откуда взялась программа «500 дней»? Кому принадлежит исходная идея создания такой программы?

Первые наметки этой программы появились в 1982–1983-х годах. Я тогда работал заведующим сектором хозяйственного механизма в научно-исследовательском Институте труда, который принадлежал Государственному комитету по труду и социальным вопросам СССР. Моей задачей был анализ экономики СССР и нового хозяйственного механизма, как тогда это звучало. Уже тогда, анализируя экономику, я подготовил большой доклад. Было ясно, что экономическая система СССР очень неэффективна и очень плохо работает, перспектив у нее не видно. Вот тогда и появились первые соображения о том, как должна выглядеть экономическая система СССР и какие принципиальные решения и реформы надо проводить.

Затем, уже в 1988–1989-х годах, я работал заведующим сводным экономическим отделом Совета министров СССР в Комиссии по экономической реформе, и там у меня состоялся целый ряд бесед с Николаем Ивановичем Рыжковым, премьер-министром СССР, в которых я пытался подробно аргументировать, что нужна другая экономическая система в целом, что существующая экономическая система СССР не работает и работать не будет. Задачи все время ставились все новые и новые, а что делать, руководители не знали. И даже изложение принципов новой экономической системы не позволяло добраться до

их сознания о том, что и как нужно делать. На одном из таких совещаний я своими глазами увидел, что премьер-министр хотел бы, но не знает, что поручить министерствам и ведомствам делать, для того, чтобы изменить экономическую систему. Он даже не знал, что с них спрашивать, какие им задавать вопросы, потому что рыночная экономика и плановое хозяйство настолько сильно различались, что проработавший всю жизнь в плановой системе Николай Иванович Рыжков так и не знал, как переходить к рыночной системе.

Отсюда появилась идея не просто написать программу реформ по блокам, — скажем, блок финансов, блок бюджета, блок налогов, блок производственный, — а рассчитать реализацию этих блоков по времени: что нужно делать сначала, что потом, что затем и так далее, какие принимать решения, что будет происходить, если результаты не будут достигнуты, какие результаты должны быть достигнуты на каких этапах и так далее.

Именно в этой схеме появилась идея сначала 400 дней, а потом 500 дней. Расчет был на 1,5 года, потому что примерно на 1,5 года было понятно, что конкретно надо делать, чтобы перевести гигантскую плановую экономику Советского Союза на рыночные рельсы. Предполагалось, что после полутора лет нужно будет принимать новую программу и новые решения.

Программа «500 дней» никогда не предполагала, что в результате нее Советский Союз превратится в Швейцарию. Она говорила о другом — что нужно делать в первые 1,5 года для того, чтобы заложить фундамент продолжения реформ, а вовсе не построить уже новую экономику. Суть программы «500 дней» заключалась в том, что нужно создать частную собственность в России, нужно создать средний класс, что за накопленные за советское время сбережения гражданами должна приобретаться малая и средняя частная собственность, и таким образом будет сбалансирован спрос и предложение. Но самое главное — заложить фундамент новой политической системы, основанный на свободных людях, у которых есть частная собственность, то есть сформировать средний класс.

Программы «500 дней» была разработана в конце 1989 — первой половине 1990 года. Разработана она была с учетом того опы-

та, который был получен в результате реформ в Республике Польша, куда я, как глава делегации, прибыл. В январе — марте 1990 года я своими глазами наблюдал, как идут реформы так называемой «шоковой терапии», которую осуществлял Бальцерович, и какие там были результаты. Кроме того, весной 1990 года у меня была длительная командировка в Японию, в которой я тоже старался понять, как строились реформы в Японии после сентября 1945 года, какие решения принимались по каким хозяйственным направлениям. Польский и японский опыт оказал большое влияние на выработку моей программы, и где-то к маю 1990 года появился текст «500 дней».

Почему программа не была реализована?

Прежде всего нужно сказать о принципиальном сопротивлении всего советского истеблишмента частной собственности и рынку. Это было их твердое желание не допустить появления частной собственности и рынка. Кроме того, и Горбачев, и Ельцин были очень далеки от любых экономических представлений. Что касается Горбачева, он все время хотел каких-то компромиссов, но в экономике компромиссы имеют очень ограниченные возможности, диапазон их очень ограниченный. Поэтому он постоянно привлекал к этой работе штатных академиков того времени и своих помощников, и это извращало смысл моей программы. В конце концов Верховный Совет СССР, который еще тогда существовал, отказался принимать «500 дней».

Что же касается Ельцина, то с ним была другая история. Я представлял программу «500 дней» в Соединенных Штатах, там в Вашингтоне проходило совместное заседание Международного валютного фонда и Мирового банка, и на полях этого ежегодного мероприятия состоялась большая конференция по обсуждению программы «500 дней». Программа была переведена на английский язык. В конференции участвовали десятки специалистов из самых разных стран, министры финансов многих стран. Это длилось целую неделю, я докладывал эту программу, было довольно подробное и обстоятельное обсуждение, было много вопросов, дискуссий. В итоге этого обсуждения на заключительном заседании выступил Янош Корнаи, очень известный венгерский профессор, специалист по реформам,

по макроэкономическим реформам и макроэкономической политике, и он заявил, что программа «500 дней» будет одной из самых эффективных и что это, пожалуй, лучшая программа в Восточной Европе по реформам. Ну вот, естественно, меня это очень обрадовало.

А наутро мне в гостинице сообщили, что мне звонили от сенатора Доула, который был лидером республиканцев в Сенате. Я слышал о нем, но никогда с ним не разговаривал, не был с ним знаком. И он, сенатор Доул, просит меня приехать в Сенат, чтобы с ним поговорить. Я впервые в жизни побывал тогда в американском Сенате, встретился с сенатором, и Доул мне сказал вот что. Он сказал: «Я вас приветствую и хочу сообщить вам, что я на днях встречался с Борисом Ельциным. И вот Борис Ельцин спросил меня, насколько опасна программа «500 дней». И я сказал, что это непростая программа и, конечно, в ней есть риски, она полезная и правильная, но в ней есть риски. И тогда он сказал: «Я не буду ее выполнять, у меня весной (то есть весной 1991 года) выборы, и я не буду выполнять эту программу, потому что вы говорите, что она опасная». Так вот, молодой человек, я хочу вам об этом сообщить».

Иначе говоря, отвечая на ваш вопрос, почему не была программа реализована, я хочу сказать: и Ельцин, и Горбачев не стали реализовывать эту программу, во-первых, потому, что не понимали ее содержания, а во-вторых, потому, что были очень озабочены политической конкуренцией и не хотели ее реализовывать по политическим причинам.

Как программа сочеталась с ценностями и с новым мышлением перестройки? Программа и перестройка могли спасти СССР от распада?

Перестройка сама по себе была довольно эклектическим явлением, в нее включались самые разные вещи. Одна из важнейших ее черт, если уж говорить о перестройке, была свобода слова. Горбачев действительно принял решение о том, что люди могут говорить то, что они думают, и за это их не только не исключают из партии, не только не увольняют с работы, не расстреливают, вообще никак не наказывают. То есть все формы преследования за открытое и гласное

высказывание своих мыслей были прекращены. В СССР наступила настоящая свобода слова. Лично я думаю, что это и было главным событием перестройки и главным инструментом, который изменил все и привел СССР к тому, что он прекратил свое существование. Я лично так думаю, именно свобода слова к этому привела.

Что же касается программы «500 дней», то программа «500 дней» была адресована на то, чтобы в СССР, в России появилась частная собственность. И в этом смысле программа, конечно, выходила за рамки перестройки, потому что частная собственность как основная форма собственности и свободный рынок как основная форма экономики в перестройку, конечно, не включались. Программа «500 дней» по существу рождала самоуважение в людях. От распада СССР она, конечно, не спасала, но создавала основу для экономической интеграции и для единого рынка по примерно такой модели, какая была в Европейском союзе. Конечно, другой совсем, но суть была в том, что экономическая интеграция союзных республик на базе рыночной экономики и частной собственности могла обеспечить очень интересную перспективу для всего постсоветского пространства.

Что, на ваш взгляд, было особенно неправильно в перестройке Горбачева?

Перестройка Горбачева и выход из тоталитарной системы настолько грандиозное мероприятие, что сегодня, спустя 30 лет, говорить о том, что тогда было у Горбачева неправильно, на мой взгляд, несерьезно. Я уже сказал вам, что фундаментом всех изменений была свобода слова, это было ключевое и самое правильное, самое глубокое решение, которое вообще привело ко всем остальным изменениям.

Что же касается всего остального, я должен сказать вам, что, с моей точки зрения, препятствия перед Горбачевым стояли по всем направлениям. Все окружение Горбачева, почти все, за исключением одного-двух человек, были против того, что он делал. Пустые магазины раздражали людей до предела, а экономика переставала работать. Не было кадров, не было никакого понимания. Иначе говоря, все было против него, а он тем не менее продолжал все свои усилия,

ну, насколько он тогда мог. Поэтому сегодня ругать перестройку Горбачева я бы не стал.

Было много таких моментов, которые казались непоследовательными, было много противоречий. Однако должен сказать, что, вполне возможно, эти непоследовательности и противоречия и позволили именно Горбачеву сделать то, что произошло, потому что если бы он открыл свои карты и все делал последовательно и в одном направлении, то неизвестно, какая реакция была бы у очень консервативного и даже реакционного окружения на его политику. А так они его политику не понимали до конца, все время терялись. И тем не менее все равно, как вам известно, произошел путч. Еще раз повторю, говорить о недостатках перестройки сегодня мне кажется неправильным.

Как вы оцениваете экономические реформы девяностых и их итоги, в том числе и сегодняшнее господство неолиберализма в России?

Для того, чтобы оценить реформы девяностых, я предлагаю вот как подойти к этому вопросу. В декабре 1991 года, когда реформы были объявлены, инфляция в России была 12%, а в декабре 1992 года инфляция была 2 600%, цены выросли в 26 раз, это была гиперинфляция. Только по одному этому признаку можно сказать, что реформы оказались неудачными. Но, кроме того, надо добавить, что в течение первых лет был существенный спад производства: 12% в первом полугодии 1992 года, 14% в первом полугодии 1993 года, 20% с лишним в первом полугодии 1994 года... Это я специально называю такие периоды, для того чтобы показать, насколько существенным был спад. Усилилась безработица бесконечно. В 2,5 раза упали доходы населения, все это затянулось на очень долгий период. И еще одним существенным обстоятельством была утрата рынков. Мы, конечно, потеряли весь рынок в Восточной Европе, и отказ от экономического договора с союзными республиками привел к тому, что мы потеряли даже рынок СНГ.

Все это вместе привело к следующему. В результате гиперинфляции произошла по факту конфискация сбережений. Граждане поте-

ряли все свои сбережения, которые у них были за советское время. Эти сбережения были не слишком большие, но они были, и нужно было на эти сбережения осуществлять малую и среднюю приватизацию, разрешить гражданам покупать государственную собственность. Вот какой должен был быть путь реформ. Создание среднего класса, создание первых фундаментальных основ рыночной экономики в форме частной собственности — это и должно было быть главной задачей, на мой взгляд.

Вместо этого занялись совсем другим — либерализацией цен, которая на самом деле означала либерализацию государственных монополий, потому что никаких частных предприятий в России не было. В результате всего этого мы не получили ни среднего класса, ни частной собственности, и конфискация средств населения в виде гиперинфляции привела к тому, что в России возникла криминальная приватизация. Криминальная приватизация в виде залоговых аукционов заложила фундамент всей российской экономической системы, слияние собственности и власти, слияние бизнеса и власти. Вот это слияние власти и бизнеса, власти и собственности привело к тому, что в России появилась вот та самая олигархическая корпоративная система, которая есть сегодня.

Что это означает? Это означает, что в этой системе невозможно разделение властей, поскольку нет отделения бизнеса от власти и нет отделения собственности от власти; поэтому невозможны независимые средства массовой информации, и поэтому в России отсутствует реальная парламентская система. Вот к чему привели реформы 1990-х годов. Повторю еще раз: это произошло просто в два шага — сначала гиперинфляция, потом криминальная приватизация и создание олигархической системы собственности в виде слияния власти, собственности и бизнеса воедино.

Что касается сегодняшней России и сегодняшнего дня, то надо сказать, что в России сегодня госкапитализм. Сегодня в России нет ни приватизации, ни минимизации государственных расходов, ни увеличения роли частного сектора, отсутствует неограниченная свободная торговля, отсутствует дерегуляция, наоборот, возрастает регулирование экономики. То есть все, что вы меня спросили о неоли-

берализме, — да нет в России сегодня никакого неолиберализма, в России есть сегодня госкапитализм, и он нарастает.

Доля государства в экономике, доля государственной собственности в экономике выше 75%, конкуренция крайне ограничена, олигархические группы разрастаются, и они, собственно, определяют и кадровый состав правительства, и направление экономических инвестиций, и направления расходов. Огромные государственные расходы, огромные военные расходы, расширение естественных монополий и власти естественных монополий — это и есть характеристика сегодняшней экономической системы. Сегодняшняя экономическая система — это система государственно-монополистического капитализма.

Что было бы необходимо сегодняшней России, чтобы преодолеть неравенство и нищету и обеспечить доступность к тем базовым правам, например, на хорошее образование и здравоохранение?

Ответ на этот вопрос простой: сегодня для того, чтобы достичь этих целей, чтобы преодолеть неравенство и нищету, обеспечить доступность к базовым правам, необходима иная внутренняя политика, иная внешняя политика, другая экономическая политика. Вообще вся политика Путина ведет Россию в тупик, поэтому необходимы принципиальные изменения. России необходим, и это очень серьезно, европейский вектор развития. Россия должна развивать и экономику, и внутреннюю политику, и внешнюю политику в направлении все большей интеграции с Европой. А на самом деле она делает все наоборот: политика Путина — это политика изоляции, это политика попытки прижаться к Китаю, это политика, как сказал Владимир Путин, «отдельной цивилизации». И это грубая, серьезная ошибка. Нужно прекратить конфликты с Украиной, прекратить войну в Сирии, совсем другими делами надо заниматься. Россия идет сейчас по совершенно неправильному пути.

Поэтому говорить, что нужны, например, какие-то другие налоги, или какие-нибудь другие экономические программы, или другое расходование бюджета, абсолютно не имеет никакого смысла. Фундаментальным вопросом является изменение политики. Должна быть

современная, на мой взгляд, современная либеральная, демократическая, открытая политика, направленная на свободу, на закон, на правовое государство, на то, чтобы человек, люди жили без страха, чтобы было уважение к человеку, и чтобы у человека были возможности творчества, — вот основные направления. Права человека, свободы и равные возможности — это и есть главный рецепт, для того чтобы у граждан в России был доступ к базовым правам, хорошее образование и здравоохранение, вообще чтобы у страны был успех.

Ваша партия с 2007 года не представлена в Государственной Думе. Как вы считаете, почему? Почему ваши идеи и принципы не встречаются с широким одобрением и поддержкой населения?

Я должен уточнить, что наша партия с 2004 года не представлена в Государственной Думе. Но ответ на ваш вопрос мне представляется простым: в России нет свободы слова и нет состязательных выборов. Если бы в России была свобода слова и состязательные выборы, мы были бы в Думе. Широкие слои населения ничего не знают о наших идеях, ничего не знают о наших принципах. Обо всем, что я вам рассказал, широкие слои населения ничего не знают, а те, кто знают из интернета, например, тот миллион человек или около миллиона человек, которые за нас голосуют, они за нас и голосуют. Но это мало в наших условиях.

Для того чтобы наша партия была, как вы спрашиваете, в Государственной Думе, нужно только одно. Если бы нам дали возможность, вот мне, например, дали возможность в течение года объяснять по телевидению, по Первому каналу, по «России», по другим государственным каналам или на частном телевидении, в нужных форматах объяснять, в чем состоит наша политика и чего мы добиваемся, что мы считаем полезным для России, я не сомневаюсь, что у нас был бы не миллион избирателей, а как минимум 10 миллионов избирателей, это абсолютно для меня очевидно. Просто нам заткнули рот, это правда. Кроме того, Россию насыщают страхом, это тоже правда. В России свернута в политическом смысле вся свобода слова, и это тоже правда. Вот, собственно, и все, вот почему наши идеи

якобы не поддерживают... Просто о них не знают, в этом проблема, а не в том, что они не воспринимаются.

Я верю в наш народ и знаю, что он с пониманием, с большим пониманием и поддержкой относится к нам. Кроме того, конечно, выборы в России долгое время фальсифицируются, а сейчас, я думаю, в этом году уже события показали, что выборы не просто фальсифицируются, они просто планируются, просто заранее определяются результаты. Поэтому значительная часть населения поддержала бы наши идеи, если бы она о них хотя бы знала, в этом лично я убежден.

В политике России вы часто выступали против, в том числе против чеченских войн, против действий в Украине, и не боялись поддерживать свои идеи, принципы и предложения. Сегодня что особенно вас волнует в путинской политике?

Сегодня меня волнует, что вся политика Путина, будь то внешняя, внутренняя или экономическая, она тупиковая. Но особенно остро стоит вопрос на сегодняшний день о возможности столкновения с Украиной. Столкновение с Украиной, война, в том числе и готовность к большой войне, которая может возникнуть просто провокационно, из-за какого-то нечаянного события или умышленно, из-за бряцанья оружием постоянного, попытка лишить Украину суверенитета — вот все это мне кажется сегодня очень острым.

Если говорить прямо о сегодняшнем дне, то меня также беспокоит поглощении Белоруссии. Меня беспокоит ухудшение отношений с миром, с Западом. Новая холодная война, новая милитаризация — вот все эти направления меня очень беспокоят.

Меня также беспокоит наращивание репрессий внутри России: иностранные агенты, значительное число политических заключенных, которых уже больше 400 человек, навешивание ярлыков в виде экстремизма, попытки искать шпионов бесконечных... То есть вот это возвращения к суперавторитарному, или, я бы даже сказал, к тоталитарному, режиму меня, конечно, очень беспокоит.

Меня беспокоит и то, что в течение 20 лет не меняется власть в России и еще до 2036 года снова продлены полномочия президента Путина, он может избираться до 2036 года, у него обнулены

сроки. Все это не может не вызывать большого беспокойства, потому что это приводит к тому, что Россия постепенно втягивается в состояние изолированной, авторитарной власти и государства, которое конфликтует со всеми по всему периметру и имеет затухающую экономику.

Итак, говоря коротко, больше всего меня беспокоит возможная война с Украиной. Я против войны, против аннексии Крыма, против войны в Донбассе. Очень неприятны, еще добавлю, тенденции, связанные с нарастанием сталинизма, национал-большевизма, изоляции России, наступление неосталинизма и корпоративное устройство государства.

А вообще говоря, диагноз такой: в России наступила эпоха постмодернизма, при том что модерна в России не состоялось, и это еще одна черта сегодняшней России, которая не вызывает оптимизма.

Григорий Алексеевич Явлинский

НЕПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ

О некоторых причинах распада СССР

Подписано в печать 15.01.2022
Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Гарнитура Franklin Gothic Normal (ITC).
Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 7,7
Тираж 500 экз.

Издание отпечатано в типографии
ООО «Галлея-Принт»
111024, Москва, 5-я Кабельная ул., 2-б